

Оглавление

Глава I. Названия моря: проблема оси «юг-север»	4
Глава II. Каспий – Хорезм	8
Глава III. Каспий – Балканы	17
Палеобалканский след	17
Фракийская и иллирийская изоглоссы	21
Глава IV. О некоторых лексемах древнерусского языка	25
Глава V. Этнонимический и теонимический аспекты	28
Киммерийцы	28
Эпонимические легенды скифов	39
<i>Арпоксай и Агафирс</i>	39
<i>Гелон</i>	42
<i>Колаксай и Скиф</i>	44
<i>Липоксай и род «авхатов»</i>	48
Мадай и Фирас	53
Заключение	62
Приложение 1. Варуна	64
Приложение 2. Картографический материал	66
Summary	67
Литература	69
Принятые сокращения	72

Глава I

НАЗВАНИЯ МОРЯ: ПРОБЛЕМА ОСИ «ЮГ-СЕВЕР»

Геродот в начале четвёртой главы «Истории» повествует о племени *киммерийцев* – народе, который до начала VII века до н. э. проживал в Северном Причерноморье, включая область реки Кубань и Крым. О причерноморской локализации киммерийцев ранее Геродота в греческих источниках упоминал **Гомер** (Одиссея, XI.14), который писал, что те живут в «туманной мгле к северу от Понта». Согласно Геродоту киммерийцы были вытеснены в Малую Азию в результате вторжения воинственных скифов, которых в свою очередь теснили ещё более воинственные племена массагетов (Hdt. IV. 11-12). С того времени вопрос об этническом происхождении киммерийцев и их дальнейшей судьбе после ухода из Причерноморья вызывает большой интерес для исторической науки.

Историография по вопросу киммерийцев достаточно полно (на момент издания) изложена в труде А. И. Доватура, Д. Л. Каллистова, И. А. Шишовой [20, С. 171-174], основные работы последующего периода представлены по ходу изложения. В основе основных подходов, излагающих проблему этногенеза этого народа можно выделить три основных концепции.

Древнеримский историк **Иосиф Флавий** впервые сообщил сведения, которое позволили впоследствии считать киммерийцев кельтами. Согласно Иосифу Флавию кельтское племя *галатов* имеет родословие, которое следует возводить к Гомеру – внуку Ноя: «Именно родоначальником тех народов, которые теперь именуются у греков галатами, а вообще называются гомерийцами, был Гомер» («Иудейские древности», кн. 1, VI.1). Галаты переселились в III в. до н.э., минуя Балканы, откуда-то с севера в Малую Азию и заняли восточную часть страны Фригии. Вероятно, зная о том, что галаты переселились с севера и, смешивая этот факт с преданиями о более раннем пребывании в восточной Фригии киммерийцев, также пришедших с севера, Иосиф Флавий связал галатов с киммерийским племенем и с эпонимом Гомер. Ряд историков нового времени, в частности Я. Потоцкий, Ф. Делитц, Э. Боннель и др., напрямую связывали этот эпоним с названием киммерийцев. Далее следы киммерийцев, по мысли этих авторов, можно обнаружить среди кельтских племён Британских островов. Так, валлийцы – жители Уэльса, потомки бриттского племени кимров называют свою страну *Сумги*, что позволяет искать параллели в совпадении этнонимов. О возможном частичном влиянии киммерийцев на этногенез кельтов и кельтскую культуру, по крайней мере, об их прямом контакте, считает возможным также говорить М. Элиаде [64, С. 118]. В целом же эта версия практически не имеет в настоящее время сто-

ронников, но, несмотря на это, в исходной позиции мы рассматриваем её аргументы в ряду равноправных.

Преимущественной поддержкой пользуется в настоящее время предположение о принадлежности киммерийцев к ираноязычным племенам родственным скифам. Эта точка зрения поддержана И. Куно, И. М. Дьяконовым и др. В частности В. И. Абаев находит, что немногие известные киммерийские имена имеют параллели в скифском языковом ареале. А. И. Иванчик считает, что эти имена не могут считаться иранскими, а скорее анатолийскими, но полагает киммерийцев носителями археологической «раннескифской культуры», народом близким к скифам во всех отношениях [28; 29, С. 96-97].

Промежуточным звеном между иранцами и фракийцами, т.е. иранизированными фракийцами полагал киммерийцев К. Леманн-Хаупт, а М. Фасмер отмечал, что можно думать не только об иранском, но и о фракийском происхождении киммерийцев, хотя языковых доказательств этой гипотезы нет.

В исторических исследованиях высказывается и иная точка зрения, согласно которой племена киммерийцев принадлежат к числу фракийских племён, которые заселяли в основном восточную часть Балканского полуострова. В античной традиции эта версия опирается на сообщение географа **Страбона**, который отождествил киммерийцев с фракийским племенем *триров*. Единственная известная киммерийская глосса *ἀργύλλαι* – «подземные жилища» определяется О. Н. Трубачёвым как, безусловно, балканская и сопоставляется с румынским *argeá* – «землянка», албанским *ragal(è)* – «хижина» [54, С. 40]. Следы киммерийско-фракийской топонимики О. Н. Трубачёв обнаруживает также и в Крыму, полагая и само название полуострова производным от названия киммерийцев [55, С. 13]. К числу фракийцев с точки зрения археологической аргументации относили киммерийцев археологи Г. Чайлд и акад. А. И. Тереножкин, который посвятил этому вопросу свою монографию «Киммерийцы» (Киев, 1976).

Исторические аргументы, на которые опирается данная концепция, суммированы в книге М. И. Артамонова «Киммерийцы и скифы» [6]. В ней приводятся не менее убедительные ономастические данные, свидетельствующие о большей близости киммерийцев к фракийцам. Кроме того, М. И. Артамонов впервые выдвинул версию, согласно которой столкновения в Причерноморье между киммерийцами и скифами, как такового не было. Между появлением в Малой Азии киммерийцев и скифов временной промежуток составляет порядка половины столетия, что никак не вяжется с легендой о преследовании. Это положение стало теперь общепризнанным. Согласно этой версии, причиной продвижения на юг и тех и других племён стали климатические изменения в каспийско-черноморском регионе, вызвавшие засушливость степей. При этом киммерийцы двигались двумя потоками, как через Кавказ, так и через Балканы. В самой Малой Азии они втянулись в узел политических противоречий между различными государствами этого региона. Только там и возникли конфликты между скифами и киммерийцами, оказавшимися во враждующих лагерях. Столкновения этого периода создали основу для легенды об изначальном конфликте между киммерийцами и ски-

фами, которые как пишет Геродот, передают одинаково и эллины, и варвары. Кстати, возможно, поэтому вариант легенды о таком конфликте, который двумя веками ранее Геродота описал поэт Аристей из Проконесса (VII в. до н.э.) в поэме «Аримаспейя» расходился с более поздними вариантами легенды, что не преминул отметить Геродот.

Киммерийцы, после поражения от лидийского царя Алиатта, по версии М. И. Артамонова, вернулись в Причерноморье. Там они смешались с местным меотским населением, говорящим на исчезнувшем языке (языках), который является предметом для различных лингвистических реконструкций.¹ Более организованные и сплочённые, чем другие меоты, киммерийцы стали основной организационной силой для создания **Боспорского** царства, сыгравшего заметную роль в античной истории. Династия боспорских царей Спартокидов носит определённо фракийское имя. Киммерийцы, главным образом составили основу меотского племени – *синдов*, занимавшего ведущую роль в Боспоре. На совпадение названий синдов с фракийскими племенами – *синтиями* на о. Лемнос и *синтов* на реке Стримон и совпадение названия боспорского города Тиристок с топонимами Фракии обращают внимание М. И. Ростовцев и В. Д. Блаватский [20, С.172-173].

Боспорское царство, как и Римская империя не устояло перед волной «великого переселения народов» и было сокрушено в результате нашествия гуннов в IV веке, хотя боспорские города просуществовали вплоть до VI века. Последующий после IV века н. э. период в каспийско-черноморском регионе ознаменован интенсивным движением народов, и с востока и с запада (славяне). Соответственно этому интенсивны были языковые контакты. Тем не менее, многие географические объекты должны были ещё долго сохранять топонимический комплекс, употребляемый в ареале причерноморских античных городов и Боспорского царства с одной стороны, и их основных соседей и торговых партнёров скифо-сарматского ареала. В данном случае особый интерес представляет вопрос о названии Каспийского моря.

Каспийское море – крупнейшее озеро нашей планеты известно в письменных источниках под множеством названий, число которых достигает семидесяти [25]. Большая часть из них происходит от названий отдельных регионов или племён, которые занимали один из участков побережья. Преимущественно это участки южного побережья, и это закономерно, так как именно культуры, примыкающие к южному побережью, имели письменные источники. Название Каспий производно от иранского племени *каспиев* (этимология названия означает «всадники»), которое жило на южном берегу моря в I тыс. до н. э. Под таким названием море передаётся в европейских источниках, начиная, по меньшей мере, с книги **Гекатея** «Объезд земли» (VI в. до н.э.) и «Истории» **Геродота**. В различных античных источниках море называется также *Киммерийским*, *Скифским*, *Сарматским* и даже *Понтийским* морем. Чешский лингвист Б. Грозный предположил, что Каспий может быть

¹ Относительно меотов позиции исследователей разделяются между версиями об их кавказском, иранском или индоарийском происхождении.

ещё более ранним названием, которое производно от народности *кушитов*, о проживании которых в этом регионе сообщают ассирийские хроники. В Древней Персии море называлось чаще всего *Гирканским*. Но в любом случае, *Каспий* остаётся названием, передающим реалии характерные для южного побережья, и не отвечает на вопрос, как могло называться море у племён населяющих северные берега моря. Большим «белым пятном» в истории можно считать вопрос о том, как называли Каспийское море киммерийцы, скифы, сарматы, аланы и другие племена, жившие в Северном Причерноморье и на перешейке между Чёрным и Каспийским морями. Между тем, не вызывает сомнений, что для племён, населяющих территории прилегающие к Каспию с севера, море должно было иметь какое-то название, и, очевидно, не связанное с южным племенем каспиев. Античные источники хранят по этому поводу молчание. Основными племенами к северу от Каспия, известными по историческим источникам в I тыс. были киммерийцы и скифы.

Ничего достоверно неизвестно о том, каким наименованием пользовались населявшие эти территории в последующий период тюркские племена – болгары, а затем хазары и кипчаки. В средневековые арабы называли Каспий – Бахр-аль-Хазар, Гирканским, Хорасанским, Джурджанским морем. Турецкое название моря Ак-дениз («Белое море»), туркменское Кёккюз (букв. «Зелёный глаз»), азербайджанское Хэзэр-дениз. На Востоке известны также такие названия моря как Гульсум, Гурезм, Сальянское и Муганское. Из них название Гурезм и Джурджанское море уже ближе к топонимике северных берегов. Джурджанью арабы называли город Ургенч – столицу Хорезма в низовьях Амударьи, а Гурезм довольно близко к названию Хорезма.

О названиях, которые употреблялись на севере, определённое представление дают древнерусские летописи и более поздние русские письменные источники. Древнейшее название в «Повести временных лет» (1113 г.) – *Хвалисское* море (Лаврентьевская летопись, 1305, 1377 г.г., владимирско-суздальская), *Хвалийское море* (Ипатьевская летопись, XIII в., галицко-волынская), а также *Хвалимское* (Радзивилловская летопись XV в., возможно копия более раннего списка). По географическому описанию «Повести временных лет» можно понять, что «Хвалиссы» ещё и название страны (племени, народа). Из Руси в Хвалиссы можно попасть, идя вниз по Волге. В более поздних источниках оно называется *Хвалижским*, *Хвалынским* морем («Взятие Азова»). В разное время море называлось также *Хазарским*, *Дербентским*, *Хопужьским* морем. У Афанасия Никитина названо *Хвалитьской дорией*.

Глава II

КАСПИЙ – ХОРЕЗМ

Особый интерес вызывает наименование, приведённое Афанасием Никитиным. Тверской купец пишет в начале своего сочинения: *«Се написах своё грешное хождение за три моря. Пръвое море Дербеньское, дория Хвалитьская, второе море Индъийское, дория Гондустаньскаа, третье море Чёрное, дория Стемъбольскаа»*. «Дория», слово иранского происхождения, в персидском языке ему соответствует слово *дәрья* – «море, большая река». Б. А. Успенский справедливо отмечает, что в данном случае А. Никитин приводит два варианта названия море – русское и иноземное.² В самом деле, трудно представить, что Афанасий Никитин искусственно соединил незнакомое ему слово «*дория*» с привычным русским названием, да и по всем нормам русского языка синонимы обязательно должны были связаны наречием «или». Значит, А. Никитин приводит название «*дория Хвалитьская*» как иноземное. А из этого следует, что неизбежно должен быть поставлен вопрос о происхождении гидронима «Хвалисьское море» в древнерусском языке, как о возможной транскрипции какого-то более древнего названия моря. Конечно, ни в одном персидском источнике нет никаких указаний, которые хотя бы отдалённо могли быть связаны с таким названием. Принятые теперь в фарси названия моря – Хазарское или Мазендеранское не могли возникнуть раньше средневековья, поскольку только тогда появились соответствующие географические области. Впрочем, не обязательно именно персидский язык стал источником для употреблённого А. Никитиным названия.

Основной маршрут путешественника пролегал по побережью моря через Дербент, Ширван, Баку. В этом регионе имеет распространение татский язык, сформировавшийся как закавказский диалект персидского и другие иранские языки. О степени распространённости татского языка говорит тот факт, что на нем говорит целый ряд этнографических групп – собственно таты (закавказские персы), часть армян, горские евреи. Татский язык в средневековье широко был распространён на западном побережье Каспия, наряду с другим иранским языком – *азери, адери*, который сближается с современным талышским языком. С талышским языком А. Никитин мог контактировать и по прибытии на южное побережье в Мазендеране, где компактно проживают талыши. Вполне возможны были контакты и с гилянским языком. Можно предполагать, что название, близкое к *Хвалитьской дории*, Афанасий Ники-

² Успенский Б.А., Дуалистический характер русской средневековой культуры (на материалах «Хождения за три моря» Афанасия Никитина. В кн. Избранные труды. Т.1., Семиотика истории, семиотика культуры. – М.: Гнозис, 1994. – С.285-286.

тин мог зафиксировать в процессе контактов с местным населением, во время своего перехода через западный берег моря. И это может означать, что вариант названия – Хвалисьское море использовался за пределами древнерусского языка, и это одно из названий моря, которое циркулировало вокруг него с древнейших времён.

Историк Е. И. Козубский пересказывает одну из старинных дербентских легенд, опубликованную им в 1906 году. Она повествует о создании знаменитой Дербентской стены, которая уходит в море. В этой легенде, приписывающей строительство стены Александру Македонскому, море называется **Калпиас**. «Александр посредством вала с металлическими столбами так запрудил море Калпиас (Каспийское), что ни одному кораблю, нельзя было войти в море, а по сухому пути он заградил проход из Таракунты (Дербент) в Калпиас, ибо не оставалось другого прохода, как через возвышавшуюся до неба гору».³ Это название вряд ли можно считать просто вариантом от «Каспийского моря». Не стоит забывать и то, что Каспий – название, употребляемое преимущественно в европейской географии. Есть основания считать, что гидроним *Калпиас* может быть сближен с названием «*Хвалисьское море*», возможность чего будет рассмотрена ниже.

Важно отметить возможный хронологический период возникновения подобных легенд. Строительство Дербентского комплекса укреплений, которые включали в себя цитадель и двойной ряд стен, перекрывших трёхкилометровый по ширине проход между горами и морем, относится к VI веку н.э., то есть к той эпохе, когда город входил в состав Сасанидской державы (III–VII в.в. н.э.). Часть этих укреплений оказалась под водой в результате последующего поднятия уровня моря, произошедшего через 300 лет после строительства. Представления, о том, что основателем города Дербента является Александр Македонский, исторически необоснованны. Однако они широко и устойчиво распространены в средневековой мусульманской литературе, и в некоторых источниках поздней античности. Об этом пишут Помпей Трог, Евсей Иероним, великий азербайджанский поэт Низами Ганджеви, дербентская хроника «Тарихи-Дербенд-намэ» и другие источники. Как отмечает А. А. Кудрявцев, в основе этих представлений лежит переосмысление деяний Александра Македонского применительно к реалиям времени. В период первой половины I тыс. н.э. определяющим для региона событием были римско-парфянские войны, а затем византийско-сасанидские войны. На этом фоне события прошлого и настоящего объединялись в легендах об Искандере.

Таким образом, возникновение данных легенд восходит к середине I тыс. н. э. Именно в этот период татское наречие и язык атери широко распространены в Закавказье. Связывая воедино все эти факты, можно прийти к выводу о том, что существующее в дербентской легенде названия моря **Калпиас** должно восходить, по меньшей мере, к началу новой эры. Значит, оно существенно старше Хвалисьского моря древнерусских источников и в Киевской Руси, скорее всего, не изобрели новое название Каспийского моря, а

³ Цит. по: Кудрявцев А.А., Древний Дербент. – М.: Наука, 1982. – С. 20.

стали употреблять уже известное в Северном Причерноморье с античных времён.

Однако в «Повести временных лет» говорится, что Хвалиссы – это ещё и страна (или народ), где-то на севере Каспийского моря. Летопись не даёт конкретных указаний, а лишь примерное географическое направление. Ряд историков, в том числе Н. М. Карамзин, полагали, что этим именем мог называться один из тюркских народов Хазарского каганата, исповедовавший ислам, и проживавший где-то в низовьях Волги.

Всё же целый ряд конкретных указаний позволяет прочно идентифицировать хвалиссов русской летописи с хорезмийцами, жителями страны Хорезм, расположенной в низовьях Амударьи у Аральского моря. Этой версии придерживались Я. Потоцкий, В. В. Бартольд, М. Фасмер, М. И. Артамонов, Л. Н. Гумилёв. Детальный разбор аргументов этой версии приведён С. П. Толстовым в его труде, посвящённом этнографии средневекового Хорезма в контексте хорезмийско-хазарских отношений. В частности, в списке епископий Доросской (Крымско-Готской) митрополии, датируемом VIII в., одна из семи епископских кафедр носит название **Χουλης**.⁴ Топоним с таким названием мог относиться только к Хорезму, где имелась значительная христианская община. Низовья Волги в документе относятся к Итильскому (в списке – Αστηλ) епископству. С. П. Толстов приводит также детальный разбор византийских и венгерских источников, где упоминаются этнические названия, которые можно сопоставить с «хвалиссами» – «халисиев» Иоанна Киннама (Caliz – венгерских хроник) и «каваров» Константина Багрянородного. И те и другие отождествляются с одной из групп поверхностно юдаизированных хорезмийцев, переселившихся в Хазарский каганат, и сыгравших важную роль в его религиозно-политической истории. Существенно то, что из сообщения Иоанна Киннама можно понять, что халисии не были мусульманами, а придерживались какой-то синкретической религии, в которой смешались зороастрийские и иудаистские элементы. Халисии, как пишет Иоанн Киннам в одном месте, «одного вероисповедания с персами», но в другом сообщает, что они «управлялись законами Моисеевыми, да и то не совсем правильно понимаемыми».

Хорезм, в средние века имел непосредственное отношение к каспийским торговым связям. Как видно, арабы тоже называют море Джурджанским по названию столицы Хорезма. Однако нельзя полностью исключить, что и само название Хорезма происходит от древнейшего названия моря, к которому оно прилегало. И в данном случае отправной точкой рассуждений должна стать закономерность перехода корневой основы образующей этноним «Хорезм» в «Хвалисс». Оба термина имеют индоевропейское происхождение. Как отмечает С. П. Толстов в этнониме «хвалиссии» может передаваться аланская форма, закономерно отражающая особенности восприятия

⁴ Толстов С.П., Новогодний праздник «Каландас» у хорезмийских христиан начала XI века (В связи с историей хорезмийско – хазарских отношений). // Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР – 1946. – №2. – С. 91.

имени «хорезм» у восточно-европейских народов. Явный пример такого перехода можно выделить в закономерности перехода персидского «r» в алано-осетинское «l», как в паре *alan – iran (iron)*. Подобную закономерность, где сонорные согласные г/л рассматриваются как аллофоны (варианты), можно выделить и в предлагаемом здесь объяснении названия Хвалисского моря.

В целом складывается представление, что это название имеет довольно чётко выраженное значение, которое можно выделить на примерах из большинства индоевропейских языков.

Вариант, который передаёт А. Никитин может быть основан на некоем лексеме близкой к корню гилянского глагола *həlačīn xorden* – «качаться» + *dəɣuʔ* и родственной персидскому *yalayān* – «кипение».

Таким образом, можно предположить, что древнее название моря передаёт смыслы «Волнистое, бурное» море.

Вариант названия моря Калпиас, записанный в дербентской легенде исторически правильно можно сблизить с гилянским словом *ləɾə* – «волна». Однако здесь возникают определённые фонетические затруднения, поскольку звуко сочетание *ka-* не может быть префиксом, а принадлежит к корневой основе. В равной степени апеллатив Калпиас может передавать значение от древнеиндийского слова *capalās* – «качающийся». Второе может указывать на хронологически более древнюю, чем западно-иранская, связь этого названия с индоарийскими языками, вероятно с наречием индоариев государства Миттани в верховьях Евфрата (II тыс. до н.э.). Однако никаких прямых доказательств для такой удалённой хронологии не имеется. Тем не менее, такую возможность следует отметить как гипотетическое допущение, во всяком случае, в качестве возможности циркулирования индоарийского лексического элемента в прикаспийской области.

Можно предполагать и.-е. основу **klap-* «волнистость, зыбкость», дающей большой лексический материал сходящийся с др.-индийской лексемой. Отчётливо это связь прослеживается в литовском языке, в слове *clabėti* – «шататься». Гилянское *ləɾə* сближается со словом индийского языка урду *ləhr* – «волна», с персидским «*lap-lap*» – «плеск», с латинским *labare* – «шататься», сербохорватским «*лабав*» – «шаткий», с русским «*хлибать*» – «шататься», албанским *lapë* – «дряблый», персидским *la* – «складка», а также в талышском *ɣofi*, персидском *dofe* – «колыбель».

Кроме того, перегласовка в этой корневой основе между апеллативом Калпиас и словом *capalās* наблюдается в схожем случае закономерной метатезы в названии реки **Эльба (Лаба)** в Польше и Германии, которое происходит от древнескандинавского слова *elv* – «река».

Далее западно-иранская лексема *ləɾə* также смыкается с кавказской лексемой *ghelva* (груз.) – «волноваться, буря, волна». Интересно, что М. Фасмер предполагал возможность происхождения от одной общей индоевропейской основы названий реки Лабы, впадающей в Балтийское море, и реки **Лабы** – притока Кубани на Северном Кавказе [38, С. 225]

Подобные взаимосвязи могут прослеживаться в осетинской лексеме *goylf | gulf* со значением «*сильное течение*», «*сильная волна*» (*goylf kænyn* –

«набегать волной, хлынуть»). В. И. Абаев обращает внимание на сходство этой лексемы с греческим *χόλπος* – «залив» [1, т. I, С.530]. Возможно, что это случайное созвучие, но нельзя полностью исключить и то, что имеет место разделение одного первоначального корня по значениям. Таким образом, название моря Калпиас, которое возникло в зоне контактов западно-иранских и кавказских языков, по-видимому, передаёт одно из древних названий Каспийского моря. Для этого предположения есть определённые основания. В. И. Абаев отмечает наличие существенных схождений между осетинским и рядом индоевропейских языков Европы. Они не принадлежат восточно-иранскому наследию осетинского и являются вкладом из других иранских диалектов. По мнению Э. А. Грантовского приводимые В. А. Абаевым примеры свидетельствуют о контактах иранских диалектов в областях к северу от Чёрного моря не позже II тыс. до н. э. [16, С. 357].

Ещё одно древнерусское название – Хопужьское или Хупожьское море. М. Фасмер предположил его как кальку названия «Дербентское море», от значения названия города Дербента («дер» – дверь», «бенд» – «преграда»), через посредство тюркского **karıd* – «ворота» [М. Фасмер, IV, С.229]. Однако необходимо учитывать, что это название употреблялось исключительно в Псковско-Новгородской земле («Житие Александра Невского», Псковская 2-я летопись 1242 г.). Именно в северных русских говорах имеется наречие «копоско» – «беспокойно», существительные *копосной*, *кóпостный* в значении «беспокойный» распространены в псковском и тверском говорах.⁵ Новгородско-вологодское прилагательное «кóпоский» или «копоской» [В. Даль, II, С.158] наилучшим образом объясняет возможность перехода «к > х», и полностью соответствует объяснению термина Хопужьское море как «беспокойное, бурное море». Эти северорусские слова близки к русскому слову «чáпать» – «качаться», которое рассматривается М. Фасмером в родстве с древнеиндийским *capalás* – «качающийся» [М. Фасмер, т.IV, С.315]. Выражение «копосская лошадь» значит «беспокойная, шарашливая». Последнее прямо производно от морского вала, поскольку «шарашиться» означает «сильно ударяться с грохотом», что М. Фасмер считает звукоподражательным глаголом. К тому же ряду, должно быть, относится и гилянское слово *šære* – «вверх дном».

Рассматриваемое объяснение названия моря самым непосредственным образом может быть связано и с названием древней страны Хорезм, которое известно с VII в. до н. э. Термин «Хвар» (сияние, солнце) + «зам» – «земля» традиционно принято считать основой названия Хорезма. В современном произношении эти формы легко складываются в понятную картину, но это не означает, что такова была исходная ситуация. Формы, от которых происходит современное название – авестийское *Hvāirizəm*, древнеперсидское *Uvā-gazmīya*. Как отмечает М. Фасмер, в древнейших вариантах произношения некоторые фонетические детали остаются отчасти неясными.⁶

⁵ Словарь русских народных говоров, Выпуск 14, – Л.: Наука, 1978. – С. 294.

⁶ Фасмер М., Этимологический словарь русского языка. Перевод и ред. О.Н. Трубачёва. – М.: Прогресс, 1987, Т. IV. – С. 229

Прежде всего, представим себе картину географических реалий первой половины I тыс. до н.э. – времени формирования географических представлений отражённых в «Авесте». В древнеиранской космогонии существенную роль играет аналог греческого Океана – мировой океан Ворукаша Voru-kasha, дословно «С широкими заливами»). Согласно книге «Бундахишн» («Сотворение основы»), которая является пересказом утраченного авестийского Дамад-наска, океан Ворукаша занимает треть земли, его заливы – Средиземное, Чёрное, Каспийское, Аральское и Красное моря, Персидский залив. Как предполагается, в ранних авестийских текстах образ Ворукаши сложился как мифологическое осмысление Аральского или Каспийского морей, возможно с включением в эту систему озера Балхаш.⁷

И в данном случае, очевидно, что Хорезм оказывается территорией исключительным образом, находящейся в эпицентре формирования древней мифологии океана Ворукаша. Более того, как нам представляется, что авестийский «Замйад-яшт» содержит в себе легенду, которая объяснила бы с позиции древних иранцев отделение Аральского моря от океана. В то же время, содержание этой книги создаёт предпосылки для позднего истолкования названия Хорезм, как «страны солнца». Книга повествует о борьбе за Хварно – «харизму», обладание которой даёт счастье и могущество. Ускользнув от змея Ажи-Дахака, Хварно оказывается во владении бога воды Апам-Напата, живущего в «белопенных» водах Ворукаши. Последующая борьба за Хварно уже включается в ситуацию войны Ирана и Турана. Вождь туранцев Франхрасьяк трижды безуспешно пытается добыть Хварно из глубин Ворукаши, но оно каждый раз ускользает у них из рук. При каждом таком случае меняется конкретная география очертаний Ворукаши. С учетом того, что Хорезм оказывается в зоне ирано-туранского конфликта, можно полагать, что изменения очертаний Ворукаши связаны с гидрографией Средней Азии, и события описанные в Замйад-яшт отчасти связаны с Хорезмом. Предание о заливе (или озере?) **Ванхазда**, который образовался при оттоке вод Ворукаши, могло представляться древним иранцем логичным объяснением раздельности Каспийского и Аральского морей (Яшт, 19.59).⁸ Кроме того, сочетание термина Хварно («Сияние»), с его нахождением на дне океана, что описывается в яште посвящённом божеству земли Заму, могло создать предпосылки для поздней трактовки названия Хорезма как «земли солнца».

Исходя из географических реалий и представлений древнеиранской мифологии, можно полагать, что древнейшее название Хорезма было тесно связано с водной стихией. Прецеденты такого рода в античной топонимике известны (например, на юго-восточном побережье Понта Эвксинского расположен регион с названием Понт). Для доисторического периода, в котором ещё не существовало государств, занимающих строго определенную территорию, логично возникновение топонимики из гидронимики, а не наоборот, как это характерно в исторический период, связанный с логикой государств-

⁷ Авеста в русских переводах (1861-1996) // Сост., общ. ред., прим., справочный раздел И.В.Рака – СПб.: Журнал «Нева», «Летний сад», 1998. Примечания. – С. 432.

⁸ Авеста в русских переводах. – С. 392.

венности. Если предположить, что в двухсоставности топонима Хорезм деление происходит на один формант дальше к концу слова, то последний термин означает не «землю», а «море». Экстраполируя вторую составную часть названия (-*tiya*, -*əm*) применительно к морской лексике можно определить генетическую связь древнеперсидского форманта -*tiya* с гилянским *toj*, персидским *towj* – «волна». Авестийский формант -*əm* восходит к и.-е. корню: **k⁰mə*– «волнистость» (в том числе неровная поверхность моря или изогнутый гребень волны): др.-греч. *κῡμα* – «волна, гребень волны», осет. *qout-lqum* – «омут, водоворот», чешск. *kutašen* – «качаться», исп. *hamasar* – «качаться».

К этому ряду можно ещё также финскую лексему «кама», которая возможно имела значение «главная река» в древнем пермянском языке и имеет такое значение в удмуртском языке. В алтайской гидронимии многочисленны названия со словом «кем, хем» – «река», которое как полагает известный географ Э. М. Мурзаев является заимствованием из индоевропейских языков, скорее всего иранских.⁹

Следовательно, можно в начале двухсоставного слова выделить основу *Hvāiriz-*, *Uvāraz-*. И как следует из дальнейшего анализа, в индоевропейских языках эта основа означает тот же «морской вал» как и в случае с Хвалисьским морем.

В общеиндоевропейском языке можно выделить несколько близких по значению корней, от которых образовалось концептуальное древо «морской вал, вздыматься, бурун, бурлить, брызгать, орошать, качка». «Бурун» является одним из синонимов «вала», т.е. «морская волна, поднимающаяся с пеной и с брызгами».

А) Корень **g₁hras*: др.-греческое *ῥαχια* – «прибой», французское *ressac* – «бурун, высокий вал», урду *zhabrahāt* – «волнение».

В) Корень **bhras*: нем. *Brecher* – «бурун», урду «*парэшани*» – «волнение», греческое *αφρος* – «пена», фракийское *pras* – «орошать, омыwać», литовское *bruzdeti* – «волновать», русское *брызгать*, осетинское «*бапырх уын*» – «быть обрызганным, политым».

С) Корень **w⁰ǵm*: авестийское *varəmi* – «волна, клотание», др.-индийское *ūrmis* – «волна». Белуджское *gvarm* – «волна, клотание» (в белуджском языке др.-иранское **w* > *gw*).

Д) Корень-аллофон к предыдущему **w⁰l-n*: ст.-слав. «*вълна*», древнерусское «*вълна*», литовск. *vilnis*, *vilnia*, осет. *уылæн* – «волна», лат. *venilla* – «бурун».

Е) Корень **k^wař-*, **k⁰ař-* > арм. *charzhvel* – «качаться», перс. *xorušan* – «кипящий, бурлящий (о поверхности моря)», осет. *хырыз* – «зыбкий», *херы* – «качели», гилянское *həlačin* – «качели», лит. *svyruoti*, *žviluoti*, *šviluoti* – «качаться», польск. *chwiać się* – «качаться». Корень **k^wař* повсеместно делабиализуется и палатализуется: **k^wař* > **k⁰ař-(k)* > **tar*: др.-инд. *tara-nga* – «волна», др.-греч. *ταραχ* – «волнение», рум. *tor* – «вал» (техн.). Формы

⁹ Цит. по: Агеева Р. А., Происхождение названий рек и озёр. – М., 1985. – С. 73.

фонетически изменённые представляет слав. *kaz(e)*, *kaz(i)* – «возмутитель, смутьян» (в имени Казимир), арм. *chochvel*, осет. *хъеццау* – «качаться».

Из этого сопоставления следует, что название древнего Хорезма могло означать «Бурунное, волнистое море» из и.-е. корня **k^waṛ-* > авестийское *hvāiriz*, др.-персидское *u-vāras*. В названии Хорезма этот корень отражается как *Hvāiriz-*, *Uvāraz-* + усиление «*водоём с волнистой поверхностью*» – эт, *miya*. Необходимо учитывать существование древнеиранских диалектов, отличных от «общеиранского», выводимого из сопоставления авестийского и др.-персидского языков (хорезмийский, парфянский и др. языки и наречия). Фонетические неясности могут быть обусловлены особенностями этих языков, практически не оставивших письменных свидетельств.

Резонно поставить вопрос, не является ли гидроним океан *Voru-kasha* (в среднеперсидском произношении Фравхкард), называемый у древних иранцев «*белопенным*», формой того же понятия, означающего «Бурунное, волнистое море». Название *Voru-(kasha)* может соотноситься с корнем *w^oṛm*, представляя более архаичную форму корня *w^oṛ-m*, тогда как в авестийском *^oṛ > ar*: *varəmi* – «волна, клочкотание», а в др.-индийском *^oṛ > ur*: *ūrmís* – «волна». Вторая часть, в таком случае означает не понятие «залив», а производные от корня **k^waṛ-k* (ср. ст.-слав. *kaz(e)*, *kaz(i)*, «возмутитель, смутьян», арм. *chachvel* – «качаться»).

Или же может быть, здесь имеет место типичное усиление «*вал – вал*» (*Voruk-asha*?) сопоставимое с немецкими словами *Brecher* – «бурун», + *Ashe* – «вал». Последнее сопоставимо с лат. *agger* – «морской вал», др.-греч. *οἰσμός* – «высокие валы, вздувшиеся воды, волнение», нем. *Voge* (нем.) – «волна, вал». В пользу такого сопоставления может свидетельствовать название реки **Окс** (Аму-дарья), которое впадает в *Оксианское озеро* (как во времена Ахеменидского государства называлось Аральское море). Она могла восприниматься как один из истоков океана, рекой «волнистой, несущей волны», название которой аналогично названию моря (Окс, собственно и назывался «Рекой моря»). Именно Окс связан с культом водной богини Ардвисуры-Анахиты. В «Авесте», в гимне Ардвисуре говорится:

«Из края в край волнуется
Всё море Ворукаша,
И волны в середине
Вздымаются, когда
Свои вливает воды,
В него впадая Ардвисуры
Всей тысячью протоков,
И тысячью озёр.»

(Яшт 5, «Ардвисур-яшт». IV,
перевод И. М. Стеблин-Каменского).

Как отмечает И. М. Стеблин-Каменский, уже давно замечено, что это описание напоминает дельту Окса (Амударьи).¹⁰

¹⁰ Авеста. Избранные гимны. Перевод с авестийского и комментарии проф. И. М. Стеблин-Каменского. Душанбе: Адиб, 1990. С. 153.

Глава III

КАСПИЙ – БАЛКАНЫ

Палеобалканский след

Сложным остаётся вопрос о конкретной языковой принадлежности основы в апеллятиве «*Хвалисское море*», который читается в древнерусских летописях. Его нельзя объяснить из древнерусского языка, тем более что и термин «хвалиссы» явно воспринимается в летописях как иноземный.

Близки к гипотетическому индоевропейскому корню **bhras* славянские слова «брызгать, прыскать, буря». Можно полагать, что для древнерусского языка было характерно выражение концептуального древа «морской вал, бурун, брызги» посредством производных от и.-е. корня **bhras*. Вторая базовая лексема «волна» выражена в старославянском «вльна» (древнерусское «вълна»). Ближе всего к нему стоят формы *vilnis, vilnia* (лит.), *уылаен* (осет.) – «волна», *venilla* (лат.) – «бурун». Литературные памятники Киевской Руси позволяют различить уровень качки, вызываемой волной, а значит и качественные признаки самой волны. В «Слове о полку Игореве» для обозначения лёгкой качки употребляется слово «лелять». Полностью меняет смысл употребление слова производного от корня **bhras*: «*Прысну море полунощи, идут смерци мглами*».¹¹ Украинское слово «хвиля», белорусское «хваля» – «волна» сформировались в более поздний период от польского «*fala*» (из нем. *Welle*), и поэтому не могут быть напрямую увязаны с названием Хвалисское море.

Апеллятив «*Хвалисское море*» не может быть объяснен и из иранских языков. Следует рассмотреть возможные связи ономастики Каспия относительно неизвестного науке киммерийского языка. Лингвистические закономерности единого семантического поля, которое выделяется в древних названиях Каспия, логически приводят к необходимости решения этого вопроса в связи с палеобалканскими языками, прежде всего с фракийским языком.

Если во времена Геродота множество причерноморских топонимов продолжало связываться с киммерийцами, то с ещё большей вероятностью могло удержаться название крупнейшего водоёма, составляющего восточную границу киммерийцев.

Можно предполагать, что название «*Хвалисское море*» может принадлежать неизвестному науке киммерийскому языку, обнаруживая при этом

¹¹ «Слово о полку Игореве», Сост., вступ. слово, подготовка древнерусского текста и коммент. В. И. Стеллецкого – М.: Советская Россия, 1981. – С. 103-104. Ср. с др.-индийским *lolāsana* – качаться.

тесные связи с дако-фракийским субстратом в румынском языке. Производными от индоевропейского корня **bhras* словами в румынском языке являются *pereú* – «качка» и *próas/ča* – «хлынувшая струя, брызнувшая вода». Первое слово определённо относится к славянской составляющей румынского языка,¹² притом, что дако-фракийская лексема «качка, качать» могла быть **legan*.¹³ Второе может убедительно представлять дако-фракийский субстрат (от фракийского слова *pras* – *орошать, обрызгивать*).

Наиболее близкое к названию русских летописей соответствие имеется в румынском слове *vălătuk* – 1) вал, каток; 2) свёрток; 3) глинобитный кирпич, кирпичная стена, дом. Казалось бы, это слово далеко отстоит от смысла означающего «море». Однако его невозможно свести и к одному лишь латинскому слову *vallum* – «вал, насыпь с частоколом». Невозможно объяснить из латинского языка флексию «t» в корне. Как будет показано ниже, она характерна именно для палеобалканских языков. Из латинского *vallum* при полном сохранении изначального значения в румынском языке образовано слово *val* (например, *valul lui Traian* – Траянов вал).

Скорее всего, в данном случае имеет наложение нескольких близких по фонетике и по смысловому содержанию дако-фракийских и романских лексем с последующей ассимиляцией. Значение «свёрток» могло образоваться как форма от латинских глаголов *in-volvere* – «заворачивать» (рум. *a învălătuci* – «заворачивать», ср. итал. *voltare* – «сворачивать»), а «каток» от глагола *e-volvere*: 1) «разворачивать», 7) «катать, перекачиваться, валить». Уже в поздней латыни употреблялось схожее слово *voluta* – «архитектурная деталь в форме завитка». Однако лексема *vălătúk* в значении «каток» могла образоваться только в восточно-романском языке, и не имеет прототипа в латинском языке.

Кроме того, в румынском языке лексема *vălătuk* является одной из генеральных форм в общем значении «вал». Для всех случаев в которых «вал» является техническим приспособлением, употребляются лексемы: *ax, tor, dig, valç, mulura*. В то же время в румынском языке слово *val*, – *luri* означает именно 1) «морскую волну, волны»; 4) «рулон». В данном случае можно убедиться, что в процессе развития восточно-романского языка было возможно семантическое сближение понятий «волна, вал» и «рулон». Это позволяет объяснить ассимиляцию в одной лексеме *vălătúk* понятий «вал» и «свёрток», и заключить, что она в основе является архаичным дако-фракийским словом, означающим «морской вал, большую волну, волну, поднимающуюся стеной».

Древнее название моря могло быть **(H)Valäs/, (H)Valäts/* < и.-е. корня **w^ol*. В и.-е. языке гласная **o* чередуется с **ě, *ǫ*. При рассмотрении лексемы *vălătúk* следует учитывать, что одной из важных фонетических особенностей фракийского языка является переход и.-е. краткой *o* в *a* (*ǫ > a*), и.-е. *ā* в гласный средний между *ē* и *ā* [68, С. 65]. Наличие рудиментарной корневой основы

¹² От славянского «буря, бурный». В этимологическом родстве с немецким *Brandung* – «буруны».

¹³ Из румынского глагола *legăna* – «качать», албанского *lëkundem* – «колебаться, качаться».

Близко к талышскому *lokúne* – «качать, трясти». В этимологическом родстве к латинскому слову *fluctus* – «волна», славянскому слову «лука» – «изгиб, залив», галльскому *lexo* – «склон».

val(a)- в значении «морская волна» в палеобалканском субстрате можно зафиксировать в албанской лексеме *valë [valoe]* – «волна, вал, кипящий» (*valoj* – «колыхаться, кипеть»). Подобным образом в румынском языке характерной особенностью фонетических процессов ещё дороманского дакского происхождения выступает возможность перехода *a/i* (лат. *annulus* – «кольцо», рум. *inél* – «кольцо»). Лексема *vălătuk* в полной мере коррелируется с названиями русских летописей (Хвалийское, Хвалисьское море) и с названием, которое употребил Афанасий Никитин – *Хвалитьская дория*.

Для определения лексемы «волна» в румынском языке употребляется лексема *taláz* – «волна, бурун» (*tălăzui* – «вздуться волнами, колыхаться»). Характерно, что в глагольной форме *tălăzui* происходят фонетические изменения того же типа, что и в лексеме *vălătúk*. Термин *talas*, означающий «волну», представляет в балканских языках практически сплошной ареал, в который не входит только греческий язык. В сербохорватском или точнее, в сербском и хорватском языках «волна» – *талас*, в македонском – *талас* и в албанском – *talláz*. Но в болгарском языке слово *талáz* – «волна», в какой то мере является исключением из этого правила, поскольку оно употребляется только как поэтическая метафора. Есть все основания полагать, что эта лексема является субстратной. Родственна она и к древнегреческим лексемам означающим «море, морское» – *θαλασσος, θαλασσιος*. Очевидно, что корневая связь этих лексем имеет общие индоевропейские основы.¹⁴ Эти основы в палеобалканских языках семантически разошлись с древнегреческим достаточно рано, однако сохранили общие фонетические принципы.

В палеобалканских языках следует выделить наличие двух близкородственных лексем «волна, волнующийся» с корневыми основами **valăt, *talas*. Интерес также представляет румынская лексема *tăvălug* – «каток, валик». Она образована от того же корня, что и лексема *vălătúk* [69, Р. 944]. В глагольной форме румынское *tăvăli* – «валять» коррелируется с кавказскими языками (ср. груз. *telva* – «валять»).

Общим для палеобалканского субстрата, является флективная норма в корневой основе *t>z*: *θαλασσος, talas, vălăt*. К этой палеобалканской группе примыкал и армено-фригийский язык (армянское *alík* – «волна») по характерной флексии. Названные лексемы можно связать с гидронимом Ἀλούτας (Hdt. IV. 49) < **Waloitas* (в др.-греч. языке знак придыхания может восходить к и.-е. сонанту **w*). Современное название реки Olt, Alt. Данная флективная норма не повторяется применительно к корню *val-* в каких-либо других индоевропейских и неиндоевропейских языках. Отсюда апеллятивы «Хвалисьское», «Хвалитьское» море следует полагать производными от фракийской глоссы, не исключая её, принадлежности киммерийскому языку.

Следует отметить один археологический факт, имеющий самое непосредственное отношение к рассматриваемой проблеме. К числу заметных артефактов культуры бронзового века чернавода (Добруджа и территория к се-

¹⁴ Этимологическое родство ближе всего в отношении к др.-индийским *dolā, lolāsana* – «качать», персидскому *telow-telow hordan* – «качаться», *talātom* – «волнение».

веру от устья Дуная) принадлежит группа из шести зооморфных скипетров. Они относятся к периоду раннего бронзового века, датируемого 2200-1600 гг. до н.э. Культура чернавода отождествляется с протофракийцами, параллели к ней можно обнаружить в поселениях Езерово (Болгария) и Донжа-слатина (Сербия). Но один из чернаводских скипетров обнаружен в Терекли-Мектеб на Тереке вблизи от его впадения в Каспийское море [9. С. 79, 83].

Чтобы рассмотреть проблему субстратного происхождения лексемы *välätuk*, следует обратиться к этимологии самой лексемы «бурун, вал». По М. Фасмеру существительное «бурун» может быть производным от понятий «бурный» или «бурлить». «Бурный» имеет своими синонимами «стремительный, быстрый, сильный». Принципиальная связь между «буруном, волной» и лексемой «*быстрый*» (устойчивое выражение «*волна бежит, волна набежала*»), так же как в примере пары *струя, Storm* (нем.) – «течение» – «стремительный», довольно отчетливо выражена в ряде сопоставлений:

Таблица 1

«бурун, морской вал»:		«быстрый»:	
<i>clawdd</i> – кимрск.	↔	<i>clith</i> – гэльск. шотл. (р. Клайдд)	
ῥαχια (д.-гр.), <i>ressac</i> (фр.)	↔	«резвый», <i>raskus</i> (фрак.)	
lärə (гилян.)	↔	«уленётывать» (руссск.)	
<i>tälās</i> (рум.), <i>талас</i> (срб-хрв.)	↔	<i>толоше?</i> (псковск. говор)	
<i>välätuk</i> (рум.)	↔	<i>polato</i> (бенгал.) – «бежать»	
<i>välätuk</i> (рум.)	↔	<i>volatus</i> (лат.) – лёт, бег, стремительно течь	
<i>unda</i> (лат.)	↔	<i>tund</i> (гилян.) – «быстрый»	
<i>spërkat</i> – «брызгать» (алб.)	↔	<i>spartus</i> (лит.), «спорый»	
<i>pīlnie</i> (рум.) – «воронка»	↔	<i>pilny</i> (польск.) – «быстрый»	
<i>clawdd</i> (кимрск.)	↔	<i>xælæf</i> (осет.) – стремительность, напор	
<i>цъырт</i> (осет.) – брызги, плеск	↔	<i>цырд</i> (осет.) – «быстрый»	
<i>течь, текёт</i> (слав.)	↔	<i>taku-h</i> (др.-инд.) – быстрый	

Лексема *välätuk*, таким образом имеет глубокие семантические связи с терминами «стремительности, быстрого течения». Исходя из наличия таких устойчивых связей пары лексем «волна – быстрый», можно рассмотреть возможность реконструкции лексем «бурун, морской вал» в палео-балканских языках. Лексемы «*клокотать, колыхаться*», обнаруживают семантическую связь с лексемой «ключ» как источник воды, поскольку в обоих случаях имеется виду наличие «*бурлящей воды*». Макс Фасмер поставил вопрос о принципиальном родстве лексемы «ключ» в значении: 1) «*клюки*» – согнутого предмета для открывания замка; и 2) «*источника*», поскольку в немецком языке «ключ» – источник «открывается» – *eine Quelle erschließen* [М. Фасмер, II, С. 258]. Рассматривая это предположение можно выделить следующее основание для такой связи. «Вода источника» – присоединяется к семантическому древу «ключ» поскольку это вода, *поднимающаяся вверх, растущая (раскрывающаяся как растущее растение)*. Точно также «волна» является водой *вздымающейся, нара-*

тающей, но раскрывающейся как пучина. С обеих позиций в семантический пучок можно включить «воронку» как: 1) «водоворот»; 2) отверстие для заливания воды (то есть «ключ» – наоборот). Принципиальным моментом является наличие образующего начала в состоянии воды – «стержня» (как для реки «русла»). Если в отношении «родника» таким «стержнем» является подземный «ствол, колодец» откуда вытекает (брызжет) вода, то для волны таким «стержнем» является «нарастание, вздувание» вала, которое завершается клюкообразной изогнутой формой гребня волны. Таким образом, можно объяснить совпадение этих лексем. В кельтских языках *clawdd* (кимр.) и *aiseal* (гэльск.) – «волна» имеют также второе значение «стержень» (ср. также русское «ось», рум. *ax* – «вал», техн.).

По всей видимости это ситуация имеет глубокую основу, восходящую к праязыковому состоянию. Похожую закономерность обнаружил бурятский исследователь Т. А. Бертагаев в алтайских языках. В его наблюдении сравнивались две монгольско-бурятские лексемы *гол* – «река, сухое русло, основа, стержень» и *хθл* – «нога». В этих словах прослеживается семантическая связь, которая объединяет понятия «основание, сердцевина, дно, глубокое место». Следовательно, *гол* и *хθл*, некогда были словами-вариантами, впоследствии разошедшимися» [8, С. 125]. По мнению В. М. Иллич-Свитыча, основа «куль, голь» относится к числу исходных платформ ностратического языка, и к ней могут быть отнесены семитское слово *rul* – «река», чадское *rulo* – «озеро» и дравидийское слово *kol* – «водоём». ¹⁵

Возможно, что не случайным является и совпадение армянской лексемы *balanik* – «ключ» (предмет) и грузинской *balani* – «волна», древнегреческого *κλύδων* – «волнение, прибой, водоворот» и персидского *kelid* – «ключ» (предмет).

Польское слово *bałwan* – «высокая волна» имеет также второе значение «большой камень, глыба». В этом втором значении данная лексема распространена в большинстве славянских языков от единой основы **bъlvan*, *bal(ъ)van*. В славянских языках эта лексема образует значения «столб, свая, бревно, ком, глыба, идол, истукан (М. Фасмер, I, с.186).

Фракийская и иллирийская изоглоссы

Для палеобалканского субстрата в современных балканских языках можно предложить следующее осевое деление гуттуральных согласных в лексеме «ключ»: 1) в форме **kell*, *kvell* или 2) в форме **sel*, *shel*, *tshel*. Существенное отличие состоит фонетических изменениях первоначальных веларных или лабиовеларных (так называемых палатальных) в спиранты или аффрикаты.

¹⁵ См.: Поспелов Е. М. Гидронимические ареалы Центральной Азии. // Ономастика Востока – М.: 1980. – С. 120

«быстрый» (волна бежит):

skilas (фракийск).

celeris (лат.)

«Качаться»

ōs-cillum (лат.) – маска Бахуса,

раскачиваемая ветром.

«волна, бурун, морской вал»:

çelēs (алб.) – «ключ» (предмет)

↔ *shilingë* – алб., «качаться»

Известна фракийская лексема *kella*, *ke(ll)a*, *kela* – «родник, ключ» от и.-е. основы **g^welna*. В болгарском языке выделяется также субстратная лексема «глава», означающая «родник». [68, С. 57-58].

В итальянском языке слово *cavallone* – «морской вал» являет галльский субстрат (ср. с франц. *avalanche* – «лавина»). Оно, должно быть, родственно польскому слову *bałwan* – «высокая волна», которое, возможно представляет заимствование из кельтских языков (и.-е. **g^w* > кельтское *b*) или представляет особую семантическую ветвь от праславянского **bъlvān*.

Именно лексема «глава = *kella*» даёт ключ к пониманию взаимосвязи между словами «*bałwan*» и «*cavallone*» («*bałwan* ↔ «глава» ↔ «*cavallone*»). Следует считать, что во всех случаях исходная лексема применялась для обозначения вытянутого предмета (субъекта, явления) с *навершием*, *верхом* или *изгибом*. В свою очередь «родник» – это «исток», и в этом значении «глава, начало». Существует доказанная связь между лексемами «волна» и «родник». В. Л. Цымбурский убедительно сопоставляет др.-греческ. аттическое *χρήνη*, дорийское *χρᾶνᾱ* – «источники», «родник» с др.-исландским *hronn* – «волна» < **hrazno* и далее с древнеиндийским *çrapayati* – «варить, кипятить» [63, С. 16].

Рассматриваемый материал показывает, что лексема **sel*, *shel* < **g^welna* должна относиться к *иллирийскому языку*, и сохранила корневую основу в лексике албанского языка (*çeljle* – «открытие, начало, выкапывание, распускание»; *çelem* [tšel'em]; – «раскрываться, развеселиться»; *çengel* – «крюк», *çelēs* [tšel'oes]¹⁶ – «ключ» (предм.), *sheu* – «ручей»).

Таким образом, общебалканская лексема **talas* должна являться переходной в процессе палатализации лабиовелярной *g^w* > *kvell*, **kell* к группе лексем **sel*, *shel*, *tshel* (*k* > *k'* > *t'*) и является *иллирийской*. Лексема *talas* < **g^welna* является переходной ступенью к спирантам, таким как албанское *çelēs* – «ключ» (предмет).

Аргументом в пользу этого суждения может быть употребление этой лексемы в сербском и хорватском языках, т.е. на северо-западе Балканского полуострова в области наиболее древнего иллирийского ареала и ограниченное её употребление в болгарском языке в области фракийского ареала. Хотя в болгарском языке есть родственное слово *тласна̀* – «толкать, колотить», которое не употребляется в сербохорватском, но известно, что во фракийском языке лексема «толкать» – *tund*, следовательно *тласна̀*, даже если она

¹⁶ Произношение близко к сочетанию начальных согласных в русском слове «тщетно».

употреблялась как синоним и во фракийском языке, с большой вероятностью может быть иллирийской изоглоссой.

Румынская лексема *vălătuk* – «волна» должна быть отнесена к группе языков **kell, (k)vell* < **g^welna* и является архаичной *дако-фракийской*.

Как и всякая схема, это деление является достаточно условным, и не исключаящим диффузных изоглосс, таких как *valë* в албанском языке, и *talás* в румынском и болгарском. Как справедливо отмечает В. Пизани, «балканские языки, прежде всего болгарский, албанский и румынский внесли друг в друга много элементов, которые придают им общий «балканский» характер» [39, С. 54]. Это тем более объяснимо, если учитывать, что оба слова могут происходить от общей пра-формы. Тем не менее, можно выделить две базовые группы для фракийского и иллирийского, в тот период, когда они уже существовали как самостоятельные языки:

Таблица 2

**Лексема **kell, (k)vell*
(«Фракийская»)**

ключ (слав.) – «ключ (предмет)»
kella, ke(ll)a, kela (фрак.) – «ключ» ¹⁷
well (англ.) – «колодезь»
Quelle (нем.)
κλύδων – «волнение, прибой, водоворот».
volante (итал., фр.) – «руль» <(стержень)
vălătuk (рум.) – «вал»
cavallone (итал.) – «морской вал»
clawdd (кимр.) – «вал, стержень»
кæлæн (осет.) – место, откуда льётся
kelda (фарерск.) – «источник»
kelid (перс., гилян.) – «ключ» (предмет)
ләрә (гилян.) – «волна»
gulf (осет.) – «сильная волна»
balani (груз.) – «волна»
balanik (арм.) – «ключ» (предмет)

**Лексема **sel, shel, (s)al, tsel*
(«Иллирийская»)**

çelës (алб.) – «ключ» (предм.)
**talas* – переходная форма
aiseal (гэльск.) – «волна»
salus (лат.) – «открытое море»
αλος (др.греч.) – «откр. море»
aluots (латышск.) – «родник»
salus (пруссск.) – «дожд. ручей»
šaltinis (брет.) – «ключ»
alc'hwez (брет.) – «ключ»
allwedd (кимр.) – «ключ»
(sulla) scia (итал.) – «на волне»
talātom (перс.) – «волнение»

Можно заметить, что в перечисленном осевом делении не соблюдается четкое деление языков по группам *centum* – *satəm*. Так фракийский традиционно относится к группе *satəm*, а иллирийский к группе *centum*. Несостоятельной теорию деления *centum* – *satəm* считал В. И. Георгиев [13, С. 53-55], что и подтверждается данным примером. Следует отметить, что в современном итальянском языке (который, безусловно, относится к группе *centum*, в

¹⁷ К «фракийской» группе, скорее всего, примыкает название фригийского города Келены. Город располагался у источников, от которых берёт начало река Меандр.

римском диалекте очевиден элемент *satəm*: итальянское *cento* – «сто», произносится с шипящим в начале.

Характерной особенностью для ряда гидронимов является наличие или отсутствие протетической *n* в корне **g^welna > *h`vala(n)t > vala(n)t*. Это относится к названиям рек *Alutus* (*Alt*, *Olt*) в Румынии, *Алма* к юго-востоку от Киева, названия литовских рек *Alunta*, *Aluo(n)ta*, *Alantas*, латв. *aluots* – «источник», иран. *Алонта(с)* (река Каспийского бассейна). Наличие этой особенности, также как и антевокальной *s* в бретонском *šaltinis* позволяет предполагать связь именно с корнем **h`vala(n)t*. В романских языках, а именно во французском, ещё в XIX веке образовывались такие гидронимы как река *Вольта* в Западной Африке, со значением «изгибающаяся, извилистая».

Глава IV

О НЕКОТОРЫХ ЛЕКСЕМАХ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

В древнерусском языке можно предполагать наличие лексемы близкой к албанскому *çelēs* – «ключ» (*предмет*). В связи с этим вызывает интерес русская пословица «*Шилом моря не нагреешь*».¹⁸ Показательно, что она самым непосредственным образом связана с морем. «Шило» (от глагола «шить»), явно не принадлежит к числу предметов, которые использовались для нагревания. Почему же появилась именно такая ассоциация? Возможно, это связано с феноменом замены смысла слова, значение которого забылось. «Шило», возможно, происходило от слова, значение которого было «волновать воду, взбурлить воду» (ср. алб. *shilingë*). Смысл, который вкладывался древними славянами в эту пословицу, скорее всего, был таков, что нельзя согреть воду одним помешиванием, бурлением, волнением, а необходим ещё и огонь. Родственное этому гипотетическому слову должно быть русское «*шелохнуться*», однако начальная форма в пословице, несомненно, произносилась через «и» («шило»), иначе бы значение пословицы не забылось. Кроме того, «шелохнуться» означает скорее не слишком сильное движение, и совсем не относится к воде. Вторая, и более широко известная пословица: «*поменять шило на мыло*» тоже может быть объяснена с позиций совпадения *пенообразующих* свойств «шила», как и «мыла».

Предположение о существовании в древнерусском языке слова «*шило*», употреблённого в вышеприведённой пословице, может указывать на наличие в нём субстрата иллирийского или балтийского типа. В гидронимике России и Украины балтийский и иллирийский (в Украине) субстрат представлен достаточно явно [52]. Рассмотрим его на примере гидронима, возможно связанного с племенем кривичей, которое принадлежало к северным племенам Киевской Руси.

В Псковской области берёт своё начало река **Шелонь** (в средневековых летописях она называется также Шолона, Шолонь, Шалон, Сцелон), впадающая в Ильменское озеро. По мнению А. И. Попова название реки означает «солёная». Обоснованием этому является неразличение фонем «с» и «ш» в псковских говорах – «мазурканье», которое характерно также для поляков-мазовшан. Такая особенность была характерна для племени кривичей. Выдвигались также предположения о финской основе гидронима, от финского слова *salo*, карельского *šalo* – «лесной остров». Резюмируя данные по этимоло-

¹⁸ Жуков В.П., Словарь русских пословиц и поговорок, Изд. 4-е. – М.: Русский язык, 1991. – С. 366

логии гидронима, Р. А. Агеева пишет, что название реки Шелони нельзя считать окончательно выясненным [3, С. 99-101].

Особенности произношения псковских говоров отличаются также и различием фонем «с, з» с шипящими «ш» и «ж». И в связи с этим интересно отметить, что В. И. Даль только для псковских говоров отмечает слово «*толоше*» – «*спорее*». Псковское слово «*толоше*», не имеющее аналогов в русском языке, несомненно, включается в парность понятий «волна – быстрый», адекватно передавая лексему **talas* – «волна, бурун». Отсюда можно сделать неожиданный вывод, о том, что в псковских говорах прослеживается влияние иллирийского типа. И название реки *Шолонь* (*Шелонь*) также адекватно объясняется при экстраполяции палеобалканских элементов.

Иллирийское слово **talas* – «волна» и албанское *çelës* [tʃel'oes]- – «ключ» можно близко сопоставить со словом «челна» олонекского говора русского языка (от общего с новгородским наречия), которое означает «исток» [М. Фасмер, IV, С.327]. В пользу именно такого сближения говорит и распространённость в северных говорах «цоканья» – перехода «ч» в «ц» (ср. Сцелон). Название первоначально могло относиться только к верхнему течению и означать «текущую, ключевую реку».

Эта изоглосса может показаться неожиданной, но она вполне объяснима, исходя из логики продвижения славян на север из области первоначального расселения. Установлено, что в славянских языках морская терминология представляет заимствования из других языков, и это обстоятельство указывает, что область первичного расселения славян находилась в удалении от морских побережий. Польское слово *fala* – «волна» представляет раннее заимствование из германских языков, а польское же *bałwan* – «высокая волна» должно было возникнуть в контакте с кельтскими языками. Формирование польского *bałwan* могло быть обусловлено контактами пра-славян с кельтскими или кельто-иллирийскими племенами, локализация которого относительно морской терминологии возможна только в области среднего течения Дуная.

Слово *fala* заимствуется в процессе контактов на балтийском побережье, тогда как *bałwan* принадлежит к области контактов в регионе между Адриатикой и Дунаем. Хронологически такой контакт должен был состояться ещё до установления границы Римской Империи по Дунаю в I веке н.э., то есть до распространения в этом регионе латинского языка и лексем *fluctus/venilla/unda*. Древность такой хронологии объясняется и тем, что польское *bałwan* выделяется из общеславянской основы, приобретая значение связанное с водой, тогда как в других языках сохраняется «сухопутное» значение этой основы («столб», «ком» и т.д.). Схожим образом можно объяснить и движение иллирийского слова **talas* на север, где оно встречается в форме «*толоше*» в псковском говоре. Данный факт указывает на то, что ареал первоначального расселения славян должен был примыкать к области среднего Подунавья, откуда только и могли быть перенесены указанные элементы.

В то же время старославянское «*вльна*» смыкается в большей степени с литовскими формами, и некоторой степени с сарматской (ср. с осет. *уылæн*),

то есть тяготеет к восточной стороне праславянского ареала, там где он граничил с балтийскими и иранскими племенами. Несомненно, однако, что этот термин был общеславянским (он употребляется как синоним и в польском языке). У южных славян в основном употребляется форма «*талас*», однако в Болгарии на первом месте по употреблению стоит не эта форма, а всё же «*вълна*».

В свою очередь осетинское «*уылæн*» – «волна», которое сильно расходится с древнеиранской и древнеиндийской формой, также можно объяснить влиянием славянских языков или даже балтийских языков.

Приводимый здесь анализ специфического ряда лексем рассматривается только в русле общей систематизации в связи с задачами работы и не претендует на сколь либо самостоятельные выводы. Однако он коррелируется с рядом смежных исследований в этом в вопросе и дополняет их. Так в исследовании В. П. Кобычева, систематизированы аргументы за то, что первичный ареал расселения праславянских племён может быть соотнесён с регионом Среднего Подунавья, то есть с областью Паннонии [32]. Смыкается наш список лексем с выводами лингвистической реконструкции О. Н. Трубачёва, который выделил общую закономерность в формировании этнонимов племён производных от названий рек у кельтов, славян, иллирийцев и фракийцев. Области первоначального расселения славян по результатам этого исследования должны быть сопредельны этим народам, и локализоваться между северными областями ареалов дако-фракийцев и иллирийцев. О. Н. Трубачёв предпочитает говорить не о какой-либо замкнутой в своих границах территории, а о подвижном ареале, центре ориентации для славянских племён осуществлявших миграции и возвратные миграции на территории с которыми поддерживался наиболее осязаемый культурный обмен [53].

В том, что касается названия реки Шолонь, то исходя из опоры на принцип деления языков по лексемам **kell*/**sel*, данная корневая основа в древнерусском языке может быть перенесена с территории, где происходили славяно-иллирийские контакты. Не исключено также происхождение от субстрата балтийского типа, который по данным гидронимии был достаточно широко распространён в северных пределах Киевской Руси, хотя это не очевидно по современным балтийским языкам. Слово «**шило*» в древнерусском языке в том же значении, что и «челна» (исток, ключ) могло стать основой для названия реки.

Глава V

ЭТНОНИМИЧЕСКИЙ И ТЕОНИМИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Киммерийцы

Кельтская теория генеза киммерийцев обосновывается исключительно на близости этнонимов «киммерийцы» и «кимры», при этом, с ними нередко ошибочно отождествляется и германское племя «кимвры» – союзники тевтонов. Однако этого совпадения явно недостаточно и не имея достоверной этимологии этнонима невозможно по нему делать какие-либо выводы. Например, в Йемене было государство во главе с племенем «*химьяритов*», этимология названия которого, впрочем, известна: «курчавые» (возможно на одной ностратической платформе с греческой лексемой *kuḗa* – «волна», ср. также лат. *koma* – «кудри»). Поэтому, если этимология неизвестна по письменным источникам, то существенным фактом может являться только наличие концептуальных совпадений с лексикой современных или древних языков.

Вариантов, объясняющих этимологию названия *киммерийцы*, предлагалось множество. Древнейшие из них имеют народную греческую этимологию, связанную с мифологизированным образом киммерийцев, восходящим к эпохе поэм Гомера. Они объясняют имя киммерийцев от схожих по звучанию слов со значением «зимний», или «туман». В ряду научных этимологий, Вс. Миллер связывает осетинское слово *gumîr* – «великан» с библейским Гомером [М. Фасмер, II, С. 416], подкрепляя, таким образом, скифскую версию этногенеза киммерийцев. В. И. Абаев обращает внимание на происхождение грузинского слова *gmîrî* – «исполин, богатырь, герой», которое, по его мнению, произошло от этнонима «киммерийцы». Осетинское слово *gumerî*, *gæmerî* – «великан, дубина, идол» в осетинский язык, по мнению В. И. Абаева, пришло через посредство грузинского языка, от слова *gmîrî* [1, С. 530]. С этим же осетинским словом Вс. Миллер и В. И. Абаев увязывают также и происхождение церковнославянского «*коумиръ*» – «идол, божок», слово непонятного генеза.

И всё же данное предположение неубедительно, поскольку нельзя говорить о полной изолированности этой лексики в осетинском языке, настолько чтобы оно могло считаться производным от этнонима «киммерийцы». В осетинское слово «*гуымыры*» – «идол, истукан» входит более широкий контекст, который нельзя объяснить одним только поздним влиянием христианской религии. «Истукан < великан» определяется в Осетинско – русском словаре (Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд., 1962) также как «*неуклюжий, тупой, глупый, дубина*», что входит в число значений слова «*гуымы-*

ры». Трудно предположить, что эти эпитеты равнозначны относительно представлений о «богатыре».¹⁹

Правомерно поставить вопрос имеет ли эта осетинская лексема отношение к киммерийцам в принципе, учитывая, что в древнегреческом языке имеется однокоренное слово *Χίμαιρα*, означающее некое мифическое существо чудовищного вида? По Гесиоду, это чудовище, обитавшее в Ликий, имело три головы: льва, козы и дракона (по другим версиям состояло из разных частей различных животных). Осетинское слово «*гуымыры*», скорее всего, имеет не кавказское, а общеиндоевропейское происхождение и не может быть производным от этнонима. В русском языке, в разных говорах «*гмырь*, *гмырить*» означает «медлительный, мешковатый, медлить, возиться, неповоротливый, хмурый, угрюмый, столбняк», в польском *gmerać sie* – «возиться, копаться».

Это не исключает происхождения грузинского слова *gmiri* – «исполин, богатырь, герой» как нарицательного от этнонима «киммерийцы». Однако более вероятно его заимствование в грузинский из хетто-лувийских языков, от лексемы с и.-е. корнем **kouer* – «сильный, герой». В. И. Георгиев объясняет из этого корня этноним «карийцы» в Малой Азии (ср. кельтские лексемы: кимр. *kawr* – «великан», ср.-ирл. *cōrriad* – «герои»)²⁰.

И. М. Дьяконов полагает происхождение этнонима от иранского **gam-īr* (или **gm-īr*) со значением «передовой (подвижный) отряд». Исходная точка гипотезы И. М. Дьяконова была основана на том, что известная по греческим источникам форма с первым коренным звуком «к» проникла в греческий язык через посредство фракийского языка. После расхождения в конце I тыс. до н.э. единого фракийско-фригийско-арменского наречия существенным отличием фракийского языка от восточных наречий являлся переход *g < k*. Первоначальная форма «*g*» сохранилась в армянской, аккадской и еврейской передаче. Опираясь на эту этимологию, И. М. Дьяконов считает, что слово «киммерийцы» не является этнонимом, а означает термин, определяющий передовые отряды ираноязычных номадов. Отсюда неизбежно следует отрицание киммерийцев как отдельного народа. На этой позиции И. М. Дьяконов особенно настаивает даже вне зависимости от этимологии этого термина, уже в качестве особенной исторической версии [23, С. 109].

А. И. Иванчик, отвергая этимологию и выводы И. М. Дьяконова, выдвигает в качестве языка-посредника лидийский язык, единственный малоазийский язык, в котором фонема «*g*» отсутствует. В качестве исходной формы самоназвания киммерийцев постулируется **Gimē/ir*, которая, по мнению автора не имеет удовлетворительной этимологии и не может быть использована для выяснения этнической принадлежности этого народа [28, С. 148]

¹⁹ Схожим образом этимологию слова «болван» иногда возводили к иранскому слову *palvan* – «богатырь». На несоответствие обоих понятий обращает внимание М. Фасмер [М. Фасмер, т. I., С. 186]

²⁰ Георгиев, В. И., Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. - М.: Изд. иностр. лит., 1958. С.164

С малоазийскими языками связывает само происхождение этнонима «киммерийцы» польский лингвист К. Витчак. По его мнению, для оседлых жителей Анатолии киммерийцы являлись «степняками» (от хеттского слова *gimmiraš*, лувийского *immari* – «степь» [12, С. 54]. Однако эта точка зрения имеет одно слабо стыкующееся звено. Если для населения малоазийских стран киммерийцы являлись пришельцами, это не означает, что они должны были называться именно «степняками», а не просто «кочевниками». Кочевые народы не обязательно жили в степи. Такое объяснение, возможно, было бы обосновано, если бы степь, из которой пришли киммерийцы, граничила непосредственно с этими странами. В действительности их разделяет большое расстояние и отсутствие чётких географических представлений у анатолийского населения о местах, из которых пришли киммерийцы. Кроме того, о неких «киммерийцах» упоминал уже Гомер задолго до их появления в Малой Азии. В данном случае налицо проекция современных географических знаний на описание исторической ситуации.

О. Н. Трубочёв предлагает фракийскую этимологию из **Kers-mar* (фракийское название Чёрного моря) > *kirs/-mar-io* – «киммерийцы» [56, С.90].

Возможно, однако, и другое объяснение, которое мы намерены систематически изложить на основе целого ряда данных этнокультурного и ономастического свойства. В румынском языке имеется слово «*chimir, chimirás*» – «широкий крестьянский пояс с украшениями, перевязь, кошель». Такая деталь традиционной одежды, которая очень часто отражает глубинную фольклорную символику, определённо принадлежит к наиболее устойчивым консервативным слоям языка. Дако-фракийский генезис лексемы *chimir* имеет достаточные семантические основания и широкие лексические связи с индоиранскими и итальянскими языками. Заимствования этого типа лексики чрезвычайно редки. «Перевязь, пояс» являлась символом принадлежности человека к племени и символом, означающим форму социальной организации – «род, племя».

Более того, при таком понимании этнонима «киммерийцы» его полным синонимом являются боспорские «синды». Этот этноним имеет аналогичное значение в древнегреческом языке где *ζυνδέω* – «связывать, соединять, перевязывать». Нетрудно убедиться, что в таком случае *chimir* оказывается синонимом для этнонима *синды*, которые, по версии М. И. Артамонова, являются преемниками киммерийцев. Уместно отметить, что из числа меотских племён в наибольшей степени эллинизировались именно синды. Распространению термина «синды» как синонима «киммерийцев» во всём эллинском Причерноморье должно быть способствовало тождество этих терминов. В древнегреческом языке синонимами слову *ζυνδέω* является также *ζυνείρω* – «связывать» и *ζυνεργέω* – «действовать совместно». В данном случае имеется очевидная семантическая связь с символикой «перевязи» – как образа «объединения, связки». Если сопоставить греческое *ζυνείρω* и румынское *chimir*, то можно понять, что в действительности это одно и то же слово.

Такое объяснение не противоречит предложенному О. Н. Трубочёвым в развитие гипотезы Пауля Кречмера пониманию этнонима **sinda(va)* – «син-

ды» как названия области и реки, сопоставимого с др.-индийским *sindhu* – «река». Наряду с другими многочисленными свидетельствами этот этноним рассматривается как доказательство принадлежности языка меотских племён, включая и синдов к индоарийской группе. Концептуальное совпадение этнонима и слова, употребляемого для обозначения главной реки на территории занимаемой племенем довольно закономерное явление для древнего мира.

Но в данном смысле и.-е. корень **sindhna* имеет свою отличную особенность семантически связанную со значениями «связывать, обвивать» (река связывает, обвивает землю), что могло служить обозначением для разновидности реки «вьющейся, извилистой».²¹ К данному словообразовательному гнезду принадлежат др.-индийские слова *sannata* – «согнутый» и *ṣundā* – «хобот слона», курд. *ṣunda* – «плестись». В развитых мифологиях такой функцией могла наделяться «река, окружающая мир», подобно Океану Геке-тея, чем и может быть обусловлено терминологическое совпадение для названия больших рек и морских бассейнов.

О. Н. Трубочёв в подтверждение этимологической связи синдов с «рекой» («речные жители») приводит географическое название Танаиса, употреблённое у Страбона – *Sinus*. По-латински *sinus* означает не только «залив», что выделяет О. Н. Трубочёв, но и «изгиб, кривизну». Тем не менее, Страбон приводит не просто латинскую кальку названия, но какое-то местное доскифское название реки. С другой стороны в грузинском языке *sindoni* означает «полотно», что может означать наличие единой смысловой платформы на ностратическом этапе. В древнеегипетской письменности знак Г изображающий сложенную ткань передавал звук *s*.²² И между этими двумя фактами может существовать вполне реальная связь. Геродот, вообще выдвигая гипотезу об египетском происхождении колхов, отмечал, что только в Египте и Колхиде делают полотно одинаковым способом (Hdt. II. 105). Из всех европейских языков только во фракийском имелся синоним для обозначения реки – *sind(u)*. В этом отношении «синды» могут связываться с фракийцами в равной степени, как и с индоариями.

Ещё одно из параллельных названий Танаиса – Σίλις, *Silis*, О.Н. Трубочёв объясняет от др.-индийского корня *śilā* – «камень». Соответственно название реки Сал имеет значение «каменная (река)», и в связи с этим приводятся параллели с некоторыми ономастическими сведениями античных авторов о северо-западной Индии. Эти сведения могут относиться к областям примыкающим к Инду, что по мысли автора создаёт ситуацию повторяемости топонимики у синдов и в Индии. При всей привлекательности этой конструкции, объяснение названия реки *Sinus* как «извилистой» имеет столь же вероятную смысловую повторяемость в форме Σίλις, *Silis*.

²¹ Есть целый ряд примеров рек с таким названием. От корня со значением «пояс, опоясывать» М. Фасмер объясняет название Балтийского моря, которое он сопоставляет с лат. *balteus*, швед., дат., *balte* – «пояс». См.: Никонов В.А., Краткий топонимический словарь, – М., 1966. – С. 42.

²² Добльхофер Э., Знаки и чудеса, – М., Издательство восточной литературы, 1963, – С. 90.

В осетинском языке «чъыл» означает «загибать, дуга, обод», а его синоним «тасын» – «изгиб, согнутый, загнутый», что передаёт иную степень вокализма синонима для Silis – реки Sind < (киммерийск. *(Ts)ind).

Если следовать мысли О. Н. Трубачёва, что отражением названия Silis сохранилось в притоке Дона – реке Сал, то Сал является исключительно меандрированной, извилистой рекой. Достаточно извилист и сам Дон ниже слияния с Салом. Однако скифы и сарматы переменили название реки на Танаис, вне связи с её значением «извилистая». Из этого следует, что Танаис скифов и доскифский Синд-Silis – это одна река только в нижнем течении, а её верховьями киммерийцы считали одну реку, а скифы другую.

Доскифское название реки Sind – Sinus определённо имеет соответствие с румынским корнем *înd-* – «гнуть», «гнуться» (*a îndoî* – «гнуть», *a se îndoî* – гнуться), где можно полагать элиминацию антевокального «s», как и в античном названии реки Indus в Кarii и Ликий. Современное *nehtrwjt* название реки Indus – Dalaman (ср. тур. *dal* – «изогнутый») полностью отражает преемственность по отношению к прототипу. В итальянском языке *snodarsi* – «виться» (о реке). Румынскую лексему по фонетическим признакам нельзя, однако, считать латинской по происхождению. Её объяснение из сложения префикса *în+* числительного *doî* – «складывать (ткань) вдвое» ошибочно [69. Р 1002], так как не учитывает семантической связи с алб. *end* – «ткать» = *плетсти, плестись*. Таким образом, доскифское (киммерийское) население нижнего Придонья объективно оказывается связанным с палеобалканскими языками. Также можно сделать вывод о тесном контакте индоиранской ветви с палеобалканской в период разделения единого и.-е. языка. По всей видимости, киммерийцы считали нижнее течение Дона до впадения в него реки Сал и сам Сал одной рекой, а современные верховья Дона – притоком.²³ Это обусловлено тем, что ареал распространения киммерийцев не поднимался высоко на север от Азовского моря. Скифы же, и тем более сарматы, продвинулись значительно севернее, и имели другие географические представления, согласно которым Сал стал считаться притоком. К тому же, не исключено, что для киммерийцев большее значение имел другой приток Дона – современный Маныч, обводнённая долина которого примыкающая к цепочке озёр представляет переход к Каспию.

Из этого можно сделать вывод, о том, что некоторые осетинские слова представляют заимствование у предшествующего скифам и сарматам индоевропейского населения Придонья. Наиболее доказательно это можно увидеть на примере слова *tasyn|tasun*. По мнению В. И. Абаева, оно только в переносном смысле может быть сближено с согдийским **tas* – «утомлённый, изнурённый». Вс. Миллер усматривает здесь иранский корень **tans* (др.-инд. *tamsati* – тянуть, трясти»). Х. Педерсен привлекает армянское *tek* –

²³ Переводчик «Истории» на русский язык Г.А. Стратановский отмечает, что из сообщений Геродота можно понять, что тот считал Танаисом современный Сев. Донец. См.: Геродот, История.- М.: Ладомир, 2001, Примечания. – С. 651.

«согнутый», *tekel* – *сгибать*», предполагая колебание корней **tek* и *tek*.²⁴ Наш взгляд *tasyn|tasun* представляет заимствование из киммерийского (**(Ts)ind*) диалектной форме фракийского *sind*, близкого по значению к армянской (армено-фригийской по происхождению) форме.

Следует отметить, что в меотском языке термин «извилистая река» по О. Н. Трубочёву передавался другим словом **kubā*, откуда название Гипаниса – Кубань-реки [55, С. 20] и другого Гипаниса (совр. Южного Буга). В свою очередь название Буг может быть синонимом Гипаниса, поскольку у меотов **buja* означало «изгиб» (*Buges, Buces* – северо-западная часть Азовского моря по римским картам, она же *Лукоморье* в древнерусской географии). В силу наличия этих двух генеральных лексем у меотов, аналогичное по смыслу название Дона – *Sin(d)u* с большой степенью вероятности может быть фракийским, и, по всей видимости, киммерийским.

Важно, что О. Н. Трубочёв, в своих исследованиях меотской проблемы, считал в большей степени вероятным фракийское происхождение киммерийцев, чем иранское и не отрицал реальности проживания этого народа в регионе Меотиды, хотя синды в его интерпретации родственны индоариям. Вообще полагая, что скифские генеалогии отражают представление о распаде общеиндоевропейской общности, О. Н. Трубочёв отмечает и специфически синдско-фракийские параллели. Название города Нарока в Дакии, предполагается производным от распространённого в ареале меотского языка термина, тождественного др.-индийскому *òkas* – «обиталище» [55, С.15]. Таким образом, предположение о киммерийской основе синдов, хотя и отличается от объяснения О. Н. Трубочёва, но концептуально синергично ему.

Этноним «синды» является одним из синонимов фракийского языка, образующим семантическую связь между понятиями «река, пояс, связывать, обвивать». Его принадлежность к фракийской основе чётко фиксирована в румынском языке. Переходную форму между лексемами **kimir* и **(s)ind* можно выделить на примере персидского *xat* – «гнуть».

Интересно, что ближайшее соответствие румынской лексеме «*chimir*» обнаруживается именно в прикаспийской зоне, в иранских языках, но не в осетинском (который, критично можно считать базой для сравнения со скифским языком).

Лексема «пояс, перевязывать» распределяется по следующим линиям:

1. *chimir* (рум.), *kəmer* (гилян.), *kamar, kamarband* – «пояс» (н.-перс.), *kamra* – «пояс огнепоклонника» (н.-перс.), *αμια* (др.-греч.) – «пояс, перевязь», *ка-мари* (осет.) – «пояс из серебра с позолотой (к женскому костюму)», *simiri* (цыг.) – «ремень», *samārar* (др.-инд.) – «связывать, обвивать», *gamurra* (ст.-итал.) – «женское закрытое платье», *кромити* (старослав.) – «обвязывать»;

²⁴ Абаев В.И., Историко-этимологический словарь осетинского языка, т.3, Л.: Наука, 1978 – С. 235.

2. *gwregus* (кимр.), *gourris* (брет.) – «пояс», *correa* (исп.) – «ремень», *guaiara* (португ.) – «широкий пояс с карманами», *brîu* (рум.) – «пояс», *gæpз* (осет.) – «ремень», *гаруз* (осет.) – «вышитый платок»;
3. *kusti* (перс.), «кушак» (слав.) – *пояс*, *κεστός* (др.-греч.) – «вышитый пояс», *kise* (н.-перс.) – «кошель», *уеуш* (гилян.) – пояс, ремень;
4. *pušte* – «вязанка, охапка» (гилян.), *e pište* (талыш.) – «обёртывать», *баст* (осет.) – «привязывать, пучок», *bastan* (перс.), *fascis* (лат.) – «пучок», *φάσκολος* (др.-греч.) – «кожаный мешок», «пояс» (слав.);
5. *cintus*, *signo* (лат.) – «пояс», *signere* – «обвивать», *ζυνδέω* (др.-греч.) – «связывать, соединять, перевязывать».

Для древнеперсидской традиции, которая сохранилась в зороастрийском культе, ношение пояса «*авйанхана*» (современное название в персидском языке *кусти*) является обязательным атрибутом и признаком отношения к роду. Слово *kamra* в фарси тоже носит не только прикладной характер, но и обладает религиозной символикой. Почему же в фарси возникает ещё один синоним, и какое место он занимает между авестийским «*авйанхана*» и более современным «*кусти*»? В гиланском языке фонетической особенностью лексемы *кэмэг* является нелабиализированная гласная в обоих слогах, что даёт существенные основания считать персидское *kamra* северо-западной иранской редуцированной глоссой, позднее, уже, может быть, в новое время вошедшей в персидский язык, в том смысле, в каком оно изначально использовалось в мидийском языке.

Следует отметить, что в гиланском языке лексема *kamra* принадлежит к семействообразующему корню существенно более разветвлённому, чем в персидском языке. В гиланском к нему принадлежат также и лексемы: *hamra* – «спутник» и *hamrəns* – «близкий, одинаковый (по характеру), сблизиться, окраситься в один цвет» (ср. лат. *hermanus* – «брат»). В персидском языке, не считая *хат* – «гнуть», только одна лексема *hamrāh*, *γатар* – «спутник», тогда как лексема «близкий» в генеральной линии передаётся словом *nazdik* (ср. с др.-инд. *naddhi* – «связывать, завязывать»).

Определённо традиция ношения пояса отражает достаточно архаичные мировоззренческие представления, может быть только модифицированные зороастрийским культом. То, что видится в этом описании как процесс лингвистической дифференциации лексемы «пояс», в действительности могло отражать ситуацию деления рода на отдельные составляющие. Но в данном случае речь идёт не о переходе от родовой организации к семейной, а об ещё более раннем делении от этнической праобщности к отдельным племенным образованиям. По всему можно полагать, что процесс этот происходил без резкой дифференциации, и многие ключевые моменты в символике уже оформившихся в отдельные группы племён довольно долго продолжали восприниматься как имеющие признаки родовых связей. «Соседство» долго продолжало оставаться синонимом родства.

Понятие «пояс» является структурообразующим для самоназвания племени, поскольку является продолжением признаков «человека» и «рода». В случае «киммерийцев» лексемы «связывать, перевязывать» являются ре-

результатом эволюции представлений о «человеке» имманентном «общности» и самоопределяющем себя в тождестве с «родом, кругом». Как отмечает О. Н. Трубачёв, многие народы древности называли себя просто «потомки», «дети». Такая ситуация сохранялась вплоть до оформления подлинных этнонимов. Это наглядно отражено в древнерусских текстах: «*Мы словѣни проста чадь*» – говорится в «Житии Мефодия» [55, С.25] Поскольку человек воспринимал себя, прежде всего как потомок, отпрыск «связанный» с родом, как «поколение» (колено) то отсюда возникает семантическая связь с «перевязью». Созвучие этнонимов «киммерийцы» и йеменских «химьяритов» может быть обусловлено семантической связью лексем «перевязь» и «кудри», которая восходит к одной ностратической платформе со значением «виться».

В последующем акцент переносится на индивидуальные «связи» между субъектами (*yamar* – «спутник») и «соседство». В расширение контекста можно определённо сказать, что киммерийский корень *Kim-eg имеет древнеиндийский вариант Sam-og = san-d-h который повторяет вышеизложенные принципы и связи в древнеиндийском языке. В вокализме древнеиндийского языка «киммерийцы» звучали бы как *samoras* – «связанные, соединённые, живущие вместе»,²⁵ а «синды» как *sandhāna* – «союз, объединение, связь».²⁶

Подлинные этнонимы всегда выступают как определение «имени, знака, значения», но сами эти термины в ряде случаев образованы из той же семантической основы, происходящей от «перевязи» как и само понятие «семантика» (др.-инд. лексема *samārhyā* – «имя», латинские лексемы *signo*, *signum* – «означать, знак, знамя» и *cigno* – «пояс»).

В аккадских клинописях в связи с отличительными чертами киммерийцев упоминается ряд данных, которые, по мнению А. И. Иванчика могут служить косвенными показателями для этнической идентификации киммерийцев. Это «киммерийские» луки и стрелы, а также некие «киммерийские ремни», которые А. И. Иванчик с известной степенью предположительности связывает с деталями «конской упряжи» [28, С. 148]. В вышесказанном контексте выражение «киммерийские ремни» может указывать и на культурные особенности в ношении одежды, являющиеся этническим признаком.

У скифов, впрочем, ношение особого пояса с мечом также являлось характерной чертой этнической принадлежности. В частности у **Лукиана** в одном из рассказов Анахарсис удивляется тому, что Токарсис встретив того в Керамике (районе Афин), узнал в нём скифа, *несмотря на отсутствие пояса* [20, С. 250]. Схожим образом **Фемистогор** объясняет происхождение названия племени «*амазонок*», которое, согласно его утверждению, означает «*жнущие с поясом*» (от *αἰμα* – «пояс, перевязь»). Амазонки, отказавшись от женских занятий, подпоясались поясами, и стали заниматься всеми мужскими делами, и даже жать пшеницу выходили в этих поясах [34, С.258]. Наконец в легенде понтийских эллинов о происхождении скифов – дети Геракла –

²⁵ Ср. «*гоум*» (н.-перс.) – «племя, родня», «*комиция*» – «*coced*» (ю.-слав.; *komharsa* [ko:rsə] (гэльск.) – тж.

²⁶ Ср. *сутыdog* (кимрск.) – «сосед»

Агафирс, Гелон и Скиф соревнуются за первенство между собой, натягивая лук и повязывая определённым способом *пояс* Геракла (Hdt. IV.9,10).

Однако, очевидно, что осетинское слово «*камари*», несмотря на общий корень с другими подобными лексемами, не имеет этнического значения, являясь деталью женского костюма, и выпадает из этого символического ряда. По этой же причине румынское *chimir* никак не может быть скифской иглоссой.

Римляне, по традиции сражавшиеся в тогах, завязывали её особым способом, наподобие пояса. Такой способ ношения тоги назывался по-латински *cintus Gabinus* («габинский пояс»); римляне заимствовали его у габинцев, которые в свою очередь переняли эту манеру у этрусков [35. С. 291]. Объясняя этруское слово *sucvi* как родственное албанскому *shokë* – «пояс», З. Майяни констатирует: «Итак, демаркационная линия между примитивной тогой и современным албанским поясом начинает стираться» [35. С. 292].

Корень *kimer-*, по-видимому, имеет архаичные корни и в итальянских языках. Страбон со ссылкой на историка IV в. до н.э. **Эфора** и на устные предания сообщает, что группа киммерийцев проживала в провинции Кампания. Киммерийцы проживали в глиняных землянках (откуда известна единственная киммерийская глосса *ἀρύλλαι* – «подземные жилища»). Их основные занятия были связаны с горными промыслами и предсказаниями. За свои предсказания они получали плату от местного царя. Впоследствии же они якобы по приказу царя были истреблены за несбывшиеся предсказания [50. С.227]. Хотя принято считать, что киммерийцы были сплошь скотоводами, это может быть лишь только стереотипом, связанным с акцентом источников на их военных походах. Так фригийцы, будучи близкого происхождения с фракийцами, прославились строительством пещерных городов и подземных ходов. Подобная традиция известна и в пещерных поселениях Крыма. Отсюда нет ничего удивительного в сообщении Страбона о «подземных жилищах», и о том, что киммерийцы занимались горными разработками.

Поскольку никакой иной убедительной этимологии для слова *camorra*, которым называется неаполитанская мафия, не было предложено, то предположим, что оно означает «связку». Это диалектное слово восходит к южной провинциальной латыни (*sermo peregrinus*) сохранявшей оскский субстрат. Гипотетически возможно, что происходит от некоего оскского слова, которое должно быть близко к латинскому слову *onero, onerare* – «перематывать, обматывать». Но в контексте сообщения Страбона нельзя исключить и непосредственного киммерийского влияния на оскский язык.

Реальным подтверждением употребления на юге Италии лексем, восходящих к той же корневой основе, что и «киммерийцы» могут являться гидронимы известные на Сицилии уже в архаичную эпоху. Речь идёт о двух реках под названием *Гимера* (ή Γμέρα), одна из которых носила прилагательное «южная», а другая «северная». Греки ошибочно полагали, что они текут из одного истока. Близ устья «северной» реки в 649 г. до н.э. дорийцы основали колонию с одноимённым названием, разрушенную в 409 г. карфагенянами. Западнее Гимеры карфагеняне основали свою колонию *Фермы* (совр. город

Termini-Imerese), в который были переселены и оставшиеся греческие колонисты. Долгое время историки полагали, что река Гимера это современная река *San-Leonardo*, на которой находится современный город. Однако впоследствии это точка зрения была пересмотрена, и Гимерой стали считать современную *Fiume Grande*, впадающую в море восточнее города. Однако между этими двумя реками в море впадает еще и третья река – *Torto*. В контексте нашего рассуждения, есть основания полагать, что Гимерой являлась именно эта третья река, поскольку по-итальянски её название означает «изгибающаяся» (ср. Гимера, др.-греч. γαμφος – «изогнутый», итал. *torto* – «изогнутая»). Здесь наглядно проявляется преемственность отражающая семантические принципы прототипа, который предполагается в архаический период. Этимологизация же названия реки из греческого языка затруднительна и связывается всё с той же пресловутой Химерой (Χιμαίρα).²⁷ Если все археологические указания позволяют помещать город Гимеру к устью *Fiume Grande*, это не исключает, что собственно рекой Гимерой являлась всё же река *Torto*, поскольку расстояние между ними составляет всего несколько километров. По археологическим данным районы прилегающие к устью *Torto* были освоены колонистами уже в начальные этапы существования города [67, Р. 281]. Кроме того, *Torto* имеет исток, более приближенный к центру острова, чем исток *Fiume Grande*, а это немаловажно, поскольку греки считали обе Гимеры истекающими из одного истока.

Надо полагать, что сицилийская Гимера – это древнеиндоевропейский гидроним, этническую принадлежность которого установить довольно трудно. Нельзя исключать, что он имеет и палеобалканские корни, поскольку наличие связей с балканскими языками в сицилийском диалекте фиксируется достаточно чётко. Л. А. Гиндин и В. Л. Цымбурский полагают, что с балканской прародиной возможно связывать и само племя сикулов, от которых происходит название острова Сицилия. Сикулы – этноним балканского происхождения, который встречается по обоим берегам Адриатического моря, область с таким названием отмечается во Фракии; «малая Сицилия» – остров Наксос на Кикладских островах согласно Диодору была издревле заселена фракийцами, среди которых отмечается герой по имени Сикел [15, С. 142-143].

Оснований считать, что слово *chimir*, напротив, проникло в Дакию из Италии, не представляется возможным. В Дакии средством общения стала именно народная латынь (*sermo vulgaris*), а не какая-либо региональная разновидность рустикальной латыни [62, С. 17]. В средневековой Италии *gamurra* – это женское платье. В испанском языке *zamarra* – «полушубок», то же в сардинском диалекте итальянского – *zamarra*. Во всех отношениях лексема *chimir* может быть близкородственна к др.-греческому δια-ζομα – «пояс, набедренная повязка», представляя более архаичную ступень, где веллярная *k* сохраняется, тогда как в греческом переходит в аффрикату. В итальянском языке однокоренное слово *perizoma* – «набедренная повязка» (с корнем *zom-*),

²⁷ См.: Любкер Ф., Реальный словарь классических древностей. На основе перевода В. Модестова и др., т. 2 – М.: Олмо, 2001.- С. 132-133.

представляет заимствование из греческого. В ареальном отношении румынское *chimir* необходимо представляет промежуточное звено между испанской и итальянскими лексемами *gamurra*, *zamarra*, др.-греч. ζομα и иранскими языками. Расхождения в семантике этой лексемы, показывают, что она должна восходить к древнейшим слоям индоевропейского языка, очевидно к тому периоду, когда одежда ещё не полностью дифференцировалась от куска ткани (тога, сари).

Поскольку румынское *chimir* и семантически и фонетически ближе всего стоит к западно-иранскому *kəmər* (гилянск.), то подобное единство в трактовке понятия «пояс, перевязь» указывает на непосредственную связь дако-фракийского и древнемидийского языков на стадии предшествующей оформлению собственных этнонимов мидийцев и киммерийцев. Это обстоятельство представляется принципиально важным для понимания этнических связей этих двух народов. Отступление части киммерийцев в Мидию можно считать признаком, указывающим на определённую степень их близости к мидийцам, в первом приближении по признакам общей племенной символики. «Пояс, перевязь» у скифов называлось совершенно другим словом, почему киммерийцы и скифы должны были сложиться как племена одно вдали от другого.

Как известно по большому массиву античных источников киммерийцы появились в странах Малой Азии. Однако направление их пути вызывает разногласия. Некоторые исследователи, в частности Дж. Раулинсон, полагали, что часть киммерийцев могла пройти на восток по побережью Каспия [20, С. 219]. Для ряда исследователей второй путь кажется даже более вероятным, поскольку на причерноморском побережье существовали реликтовые леса, которые могли затруднять движение конницы. Античная легенда связывает вторжение скифов в Мидию с погоней за киммерийцами, поскольку преследующие их скифы, якобы сбившись с пути, вторглись в землю мидян.

Часть киммерийцев действительно поселилась в стране Манна к югу от озера Урмия, что несколько западнее Мидии. Союз киммерийцев, манеев, а также мидян и скифов, проникших позднее в эту область, был направлен против Ассирии, что служило предметом беспокойства ассирийцев в 70-е гг. VII в до н.э. [20, С.174; 29, С. 84-85 и др.].

Движение части киммерийцев в сторону Мидии, по-видимому, не было обусловлено чистой случайностью. Анализ этнонима «киммерийцы» подтверждает непосредственную связь фракийского и мидийского языков.

Пребывание киммерийцев в Мидии, по всей видимости, всё же косвенно засвидетельствовано и в греческих источниках. Так, Геродот упоминает о некоем племени «*сигиннов*», которые обитали к северу от Фракии за Истром, то есть где-то в области Паннонии, и может быть даже в Дакии, по римской географии. Сигинны, согласно этому описанию, не только носят мидийскую одежду и ездят на колесницах, но и прямо называют себя потомками переселенцев из Мидии. Владения сигиннов простирались на запад вплоть до земель племени венетов на севере Адриатического моря (История, V. 9) и, может быть, даже умбров (История, IV.49). Получается, что они занимают

достаточно обширную территорию. Предположим, что этноним «сигинны», записанный Геродотом, является итальянской калькой этнонима «киммерийцы» от латинского *signo, signere* – «пояс, обвивать», который употреблялся народами, соседствующими с ними. Такой контакт с итальянскими языками был возможен, следуя географии описанной самим Геродотом. Таким образом, сигинны могли являться частью киммерийцев, отступивших некогда в Мидию, или точнее киммерийцами, которые не различали себя с мидийцами. Кроме того, вновь подтверждается взаимозаменяемость этнонимов «киммерийцы» и «синды» (ср с лат. *cintus* – «ремень»). Именно в Дакии, где предположительно локализуются сигинны, находится древний город Нароса, связи этимологии которого с синдским языком установил О. Н. Трубачёв.²⁸

Этноним «киммериец», таким образом, означает «товарищ, союзник, спутник».

Этот термин хорошо нам известен по-современному французскому слову *camarade* – «товарищ». Ранние значения этого слова близки к понятию «товарищ по оружию» [70, Р. 116-117]. Слово, очевидно, имеет кельтское происхождение (ср. гаэльское *komradai*), при латинских лексемах *comes, compar* – «спутник». Но в кимрском языке этот корень отсутствует. Лексема «товарищ» выражается словами: *kylwedd, kilydd, cyfa:ll*. Хотя кельтские языки в терминологии «товарищ» действительно обнаруживают определённое сходство с предлагаемым нами объяснением этимологии названия «киммерийцы», именно кимрский язык отстоит от него дальше всего.

Эпонимические легенды скифов

Арноксай и Агафирс

Геродот различал племена, населяющие Скифию по языку и по образу занятий (кочевники, земледельцы). Говоря о численности скифов, Геродот говорил, что имеет об этом весьма различные сведения: по одним скифов очень много, по другим – собственно коренных скифов очень мало (Hdt, IV. 81). М. И. Артамонов анализируя первый эпонимический миф скифов, выделил три основные этнические составляющие Скифии времён Геродота. Этническим термином собственно скифов по языку являлась лексема **kol* выраженная в имени *Колоксай, или Коло + ксай (сай, от древнеиранского xšāya – «царь»)* и в названии скифов – *сколоты*.

²⁸ Страбон также упоминает сигиннов, дословно повторяя описание Геродота (что может говорить о компиляции), но помещает их где-то близ Кавказа, а значит недалеко от синдского Боспора. М. И. Артамонов, считающий сигиннов скифами полагает, что Страбон объединил Карпаты и Кавказ а одну цепь и поместил сигиннов среди других предгорных племён [М. И. Артамонов, Киммерийцы и скифы, – Л., 1974. – С. 133-134]. Впрочем, сам М. И. Артамонов признаёт, что западные племена Скифии в этно-культурном отношении были тесно связаны с фракийцами. Однако в любом случае должен быть ответ на вопрос, почему одежды сигиннов мидийские? Одежда мидян отличалась даже от персидской, а тем более от скифской.

Под потомками *Липоксая* М. И. Артамонов понимает род *авхатов* – западную земледельческую часть скифов (*скифы-земледельцы*). М. И. Артамонов выделяет основу «*лип*» также в названии «*каллипидов*» – ольвийских эллинизированных скифов и считает, что этот этнический термин покрывал не только «*авхатов*» и *каллипидов*, но и *ализонов*, и, вероятно *скифов-пахарей*» [5, С.166-167]. Гелоно-будинов, которые не имеют очевидного соответствия с «авхетами», М. И. Артамонов также считает возможным присоединить к потомкам царя Липа, полагая, что в более отдалённые времена они могли восходить к единой этнокультурной общности [5, С.169-170].

Потомки Арпоксая – племена *катиары* и *трасии* локализуются в Карпатах и Трансильвании. Они связываются М. И. Артамоновым с более поздним племенем *карпов*, которые имеют в названии одну основу с именем царя Арпа.²⁹ Катиары – несомненный вариант имени трансильванских *акатирсов* (*агафирсов*), а *трасии* созвучны тракам или фракам, о родстве которых с агафирсами говорит Геродот.

Агафирсов Геродот называет наиболее «изнеженным» племенем. «Они носят золотые украшения и сообща сходятся с женщинами, чтобы всем быть братьями и не завидовать и не враждовать между собою» (Hdt, IV. 104]. Но то, что пишет Геродот невозможно считать признаками изнеженности, хотя бы потому, что практически те же самые обычаи называются в «Истории» у массагетов (Hdt, I. 216). Поэтому упоминание об «изнеженности» даёт основания сопоставить агафирсов с сигиннами. Сигинны носили мидийские одежды, а именно широкие по покрою мидийские одежды греки презрительно считали женскими. Аналогичным образом могло возникнуть и представление об «изнеженности» агафирсов. Ещё один аргумент, позволяющий сопоставлять сигиннов и агафирсов – гидронимика.

Название фракийского племени *агафирсов*, по всей видимости, означает «светлые» и происходит от фракийского *gaidrus* – «светлый, блестящий, чистый». О том же говорит второй вариант названия, близкий к греческому языку или просто эллинизированный – *катиары* (ср. греч. *katharos* – «чистый, светлый»). Это название должно быть связано с принятым у агафирсов обычаем окрашивания волос и татуирования тела в голубой цвет, причём выше был уровень знатности, тем интенсивнее была татуировка. Однокоренным с названием племени является название полудрагоценного камня *агата*, производное от имени реки Ахаты на Сицилии [3, С. 128]. Не исключено, что кроме собственно места находки этого камня, в его наименовании сыграло свою роль тождество с этимологией названия реки «чистая, светлая < блестящий камень». Вероятно, название реки отражает иллирийский эквивалент фракийского корня *(a)gaidr*, поскольку связи с иллирийским ареалом фиксируются на юге Италии наиболее чётко, либо действительно, как в случае с Гимерой, можно поставить вопрос о наличии непосредственно фракийских (или фракийского типа) изоглосс на Сицилии. В том, что этот корень возмо-

²⁹ Другие исследователи производят этноним «карпы» от фракийского слова *karpa* – «скала», которое, по-видимому, является основой и для названия Карпатских гор.

жен с начальной формой «а» можно убедиться не только по названию «агафирсов», но и в сопоставлении с греческим *αργυ* – «блестящий».

Само собирательное имя «арны» (Арпоксай) объяснимо именно из западно-иранских языков, и сопоставимо с гилянским глаголом *harf zeen* – «говорить».³⁰ При этом именно для собирательных этнонимов в индоевропейских языках характерна этимология от термина «говорить».

Терминология определяющая такие свойства как «язык, речь, (говорить)» определённо должна восходить к самым ранним слоям языков. Поэтому множественность корневых совпадений делает довольно проблематичным этот метод как источник для исторического описания. Но с другой стороны, различия в наречиях которые складывались на основе и.-е. праязыка также являются и одними из наиболее консервативных элементов языка. Поскольку заимствование лексем «речь, говорить» из языка в язык без смены самой идиомы практически невозможно, они могут давать определенное представление о древнейших ареальных связях народов.³¹

В прикаспийской области гилянский язык, с большей или меньшей уверенностью можно отнести к языкам непосредственно восходящим к древнемидийскому языку. Это означает, что язык фракийцев агафирсов (сигиннов, киммерийцев) действительно может восходить к одному наречию с мидийским. Следовательно, *арны* – это термин языковой принадлежности, а *агафирсы* – этноним дако-фракийцев, который был принят от собирательного прото-этнонима **kimir/sind* «киммерийцами-синдами», жившими в Трансильвании.

Относительно этимологии имени Арпоксая В. И. Абаев предлагал объяснение, что оно означает «владыка Днепра», сопоставляя его с гидронимом Дан-априс, предполагая перегласовку в корне. Однако если и существует связь между эпонимом Арпа и названием реки, то она не является прямой. Этимология названия Борисфена предлагалась от древнеиранского «*воур-устана*» – «широко-устная» (К. Мюлленгоф), древнеиндийского **baru-sthana* – «высокое место» (О. Н. Трубачёв) [20, С. 356]; Данаприса также от иранского **dānu-apara* – «отдалённая река» (П. Кречмер) или от иранского *āpra* – «водная глубь» (т.е. «Глубокая река»). О. Н. Трубачёв, предположил другое объяснение, считая, что в основе названия лежит соединение основ «**dānu*» + фракийский термин **ipr* – «*козёл*», который выделяется в названии реки Ибьер в Болгарии и реки Ибр в бассейне Днепра. Название *Дън(эпръ) усвоено славянами от фракийцев, которые прежде заимствовали скифское *dānu* – «река» и относилось только к среднему течению реки, ориентированному по реке Ибр. Аналогичным образом об-

³⁰ Ср. также итальяйские слова: *arves* (умбрск.) – молитвы, *oris* (лат.) – уста, речь.

³¹ Такой способ формирования этнонима можно проследить на примере формирования албанского этноса. Возникнув из палеобалканских языков раннеалбанский язык впоследствии фактически распался на ряд наречий. Однако с XVIII-XIX веков в Албании закрепляется эндоэтноним – *sqiptar* и название страны Шкиперия. Происхождение эндоэтнонима *sqiptar* определённо связывается с глаголом *sqip* – «говорить ясно, понятно» и означает «человек, который говорит по-нашему» [27, С.80]. Этот глагол наиболее близко стоит к литовскому глаголу *sakiti* – «говорить». Возможно, это отражает древние иллирийско-балтийские схождения и указывает на возможную иллирийскую основу в албанском языке.

разовано название Днестра с ориентацией на Истр – нижний Дунай [52, С. 214, 217-218]. Основу *ipr*, О. Н. Трубачёв выделяет также в названии реки днестровского бассейна Солонипер (*Solon-ipr*) [52, С. 215]. В. И. Георгиев предполагает в названии реки Ибьер индоевропейскую основу **eibhros* в значении «разливаться, протекать», которая реконструируется им на основе фракийского слова *eib* – «протекать, разливаться» [38, С. 149].

Однако можно предположить такое объяснение, которое бы в некоторой степени объединило бы названия Борисфен и Данаприс. Оба названия могут происходить от словообразовательного гнезда **bris*. Основа в названии Борисфен отражает разновидность этой лексемы, выраженную во фракийском слове *pras* – «омывать, орошать» (ср. рум. *próas/ăa* – «хлынувшая струя, брызнувшая вода»), которая в близком значении «переливаться» соединяется с фракийской лексемой *spinos* известной по словарю Гесихия, означающей вообще «камень, который горит если его полить водой». Неясное слово *spinos* можно истолковать как «камень, сверкающий в переливах воды». Отсюда можно полагать **Pr(o)as-spinos*, а в греческом произношении – *Борисфен*. Это название отражает специфику реки богатой порогами, через которые переливается бурлящая вода, реки «переливающейся через камни». Средневековое название Днепра – *Nysakus* (у готского историка Иордана и др.), по М. Фасмеру означает готское «обильный подводными камнями, скалами» (*Ny-sakus*).³² В данном случае можно говорить о преемственности названий.

В названии Данаприс к иранской лексеме **dāni* присоединяется именно фракийская лексема *pras* – «омывать, орошать» с огласовкой в первом коренном звуке, подобной той, что есть в греческом слове *afros* – «пена»; либо «а» выступает префиксом. В списке Геродота известна ещё одна река, которую в основе можно сблизить со второй частью названия Данаприса. Это *Африс* (*Ἀφρὺς, Ieterus, Iatra*) современный приток Дуная – *Янтра*. Апеллятив Янтра объясняется В. И. Георгиевым от фракийского слова *iet(e)r* – «быстрая, буйная» [68, С. 61,66]. В бассейне Южного Буга также имеется река Ятрань. Вышеприведённая таблица семантических связей лексем «быстрый» и «волна» позволяет сблизать оба названия, как принадлежащие к одному семантическому ряду, как в примерах *цъырт* (осет.) – брызганье, плеск, капля ↔ *цырд* (осет.) – «быстрый»; *άρδω* (греч.) – «орошать, поливать» – *ārdati* (ст.-инд.) – «течь».

Второе значение названия реки является переосмыслением на базе одной и той же лексемы *pras* и означает «омывающая, орошающая» в связи с интенсивным земледелием (хлебопашеством и садоводством) в нижнем Поднепровье. Вероятно, примером гидронима со схожим названием является озеро *Прасида* во Фракии (Hdt, V.15.). Характерно, что население Гилеи, низовий Южного Буга и Боспора знало и технологии строительства оросительных каналов. По Геродоту «*борисфениты*» – синоним скифов – земледельцев, а о самой реке он пишет, что она «наиболее щедро наделена благами». Из остальных рек, кроме Нила, Борисфен – «самая прибыльная река», а «посевы вдоль её берегов превосходны» (Hdt, IV. 53).

³² См. Никонов В. А., Краткий топонимический словарь. – М., 1966. – С.124-125.

Гелон

Во второй эпонимической легенде, которую рассказывали понтийские эллины, дети Геракла – Агафирс, Гелон и Скиф, рождаются от змееподобной женщины живущей в пещере в стране Гилее на берегу Чёрного моря, у устья Днепра.³³ Из их числа именно Агафирс и Гелон, неправильно повязывают пояс и не могут натянуть лук, и потому оказываются изгнанниками, а от Скифа происходят цари Скифии.

Скифское племя *гелоны* согласно Геродоту жило совместно с будинами, но гелоны отличались языком и цветом кожи (очевидно более смуглым). Гелоны – земледельцы, будины – кочевники, при этом вторые из них коренные жители тех мест, а гелоны – пришлые. При этом Геродот отмечает, что эллины смешивают гелонов и будинов в один народ, хотя это не так. Кандидатами на этническую основу гелонов выдвигались практически все этнические группы, в том числе и фракийцы. Но этнический термин *gel, должен быть по всем признакам именно фракийским.

Основа, которая находится в названии гелонов лучше всего сохранилась в румынском слова *gloátă* – «ополчение», а «ополчение» может служить синонимом для «народа».³⁴ Оно производно от индоевропейского *Kela(n) – «род», который проявляется в первом коренном звуке посредством чередования фонем k // g:

Таблица 3

<i>gloátă</i> (рум.)- «ополчение»	<i>clann</i> (кельт.) – «род»
<i>gelaia</i> (греч.) – «собрание»	<i>clien(ti)s</i> (лат.) – социальная форма
<i>ilot</i> ? (пеласг.)	<i>klon</i> (др.-греч.) – «отпрыск»
	<i>klan</i> (этриск.) – «сын»
	<i>kilimo</i> (лит.) – «родом из....»
	<i>колeно</i> (слав.) – «род»

Данная таблица показывает, что лишь для фракийского языка была характерен первый коренной звук *g*. В таком же виде он присутствовал и в наиболее архаических пластах эллинского языка, поскольку уже в классическом языке *gelaia* трактуется как «место для суда». Термин «илоты», которым называлось покорённое спартанцами население Пелопонесса, возможно, представляет пеласгический вариант того же корня.

Древнейшее произношение названия населяющего область Гилян на юге Каспийского моря народа «гиляков» в древности произносилось через

³³ По всей видимости, речь идет о не названной по имени дочери реки Борисфена. Реконструкция скифской мифологии, осуществлённая Д.С. Раевским предполагает дочерью Борисфена богиню воды и нижнего мира Апи, олицетворяющую порождающее начало. Апи имеет змеиную природу. См.: Агеева Р. А., Происхождение имён рек и озёр. – М.: Наука, 1985. – С. 110.

³⁴ Подобные синонимы в древнеперсидском языке объединялись в слове «*kara*» – 1) *народ*, 2) *войско*. К этой закономерности относятся слова «*полк*» (русс.); *Folk* (герм.) «народ»; *pulkas* (лит.) «толпа».

«е» и иногда с флексией «п». Так назывались предки гиляков – западно-иранское племя *геленов (гелов)*.³⁵ Это западно-иранское племя, должно быть, носит название, этимологизируемое тем же способом, что и гелоны.

Возвращаясь к тождеству названий реки Ахаты и племени агафирсов можно обосновано зафиксировать и родство агафирсов с гелонами. В области приблизительной локализации племени геленов имеется гидроним с названием одного ряда, что и Ахата. Один из притоков *Ворсклы* – реки днепровского бассейна носит название *Ахтырка*, которое, по мнению О. Н. Трубачёва не может быть этимологизировано из иранских или тюркских языков. Первоначальная форма предполагается *Хтырь, Ктырь [52, С.248]. На реке Ворскле на севере Полтавской области находится Шиловское городище, с которым многие археологи и историки отождествляют «деревянный город Гелон», о котором пишет Геродот [20, С. 356]. Сопоставив название Ахтырки с названием реки Ахаты, можно предполагать, что оба производны от одного палеобалканского комплекса, который проявляется и в названии племени «агафирсов». Гидроним Ахтырка представляя образование от фракийского корня *(a)gaudr* – «чистый, светлый», указывает на наличие определённых связей между племенами агафирсов и геленов, свидетельства о которых проявляются в области примыкающей к городищу, интерпретируемому как город Гелон.

Таким образом, изгнанники-гелоны по скифскому мифу могут оказаться фракийцами – прежними насельниками Скифии, а точнее той частью родственных киммерийцам племён, которая в Гилее культивировала земледельческий образ жизни, и потому не участвовала в движении массы киммерийцев на юг. И здесь проявляется исключительный статус Гилеи, отражённый в легенде. Если причиной миграций на юг и киммерийцев и скифов действительно были климатические изменения, побудившие покинуть засушливые земли, то Гилея, по-видимому, оставалась в тот период одним из немногих очагов пригодных для земледелия.

Термин *gloátā* в значении «ополчение» от «народа» возникает как характерное производное в культуре земледельцев. У кочевников термин «ополчение» просто немыслим. Здесь следует вспомнить, что у римских авторов гелоны рисуются как люди «вооружённые косами», каковое обстоятельство М. И. Артамонов справедливо трактует как указание на род занятий связанный с земледелием, а особенности такого вооружения объясняет по подобию со стихийным вооружением средневековых крестьян, поднимавшихся с орудиями труда [5, С.164].

Колаксай и Скиф

Неоднократно отмечалось, что этнические основы Арпо, Липо и Коло в эпонимической легенде не могут быть иранскими именами, и должны принадлежать доскифскому населению. Однако, если это положение в основном

³⁵ Савина В.И., Этнонимы в топонимии Ирана. // Ономастика Востока. – М., 1980. – С.142-143.

верно для первых двух имён, то с именем Колаксия это суждение не представляется столь очевидным.

Геродот употребляет термин «скифы» непоследовательно, называя скифами все племена, объединенные в Скифию (подвластные «сколотам» – царским скифам), и собственно племя «скифов» по этническому признаку (Hdt, IV. 81). В другом месте Геродот отмечает, что персы считают всех скифов – *саками*, то есть отождествляют их с сакскими племенами, населявшими Среднюю Азию (VII, 64). Множество разногласий вызывает вопрос о том, как понимать разделение скифов на «царских», «номадов» и «земледельцев», и вопрос о том, чем различаются «скифы-земледельцы» от «скифов-пахарей» (один этнос – разные социальные страты или различные этносы). Не меньше толкований имеет и анализ пар «сколоты – скифы», «скифы – саки» (различные термины или варианты произношения одного термина). Сопоставляя распространенность термина «скиф» и узость использования термина «сколот» можно считать последний подлинным этнонимом, который наиболее отчётливо выражен относительно «царских скифов», тогда как «скиф» в восточно-иранских языках являлся собирательным названием для «людей».

Широкий термин «скифы», тождественный на наш взгляд с термином «саки» отражает доплеменной этап самоназвания народов, прото-этноним. Когда Геродот, говорит, что персы считают всех скифов – саками, то это объясняется, скорее всего, их языковой общностью, поскольку для персов язык скифов и саков, представлялся, естественно, как единый. Собственно *саков* древнеперсидские источники подразделяют ещё на три отдельных племен. Для объяснения прото-этнонимов «саки - скифы» следует полагать, что они являются производными от формы переходной между киммерийским *Kim-er и его древнеиндийским аналогом *Sam-or* = *san-d-h* передающим имманентное отношение человека к общности. Древнеиндийский корень *sand-h* «союз» имеет близкую форму *sanga* – «связь». Ещё более редуцированная в степени перехода от «связи» к «соседству» она имеет в санскрите форму *sacviva* – «спутник, товарищ». Располагая исходным определением закономерности, можно предполагать, что «саки» – это широкое до-племенное определение для восточно-иранского населения, которое в случае со скифами лексически изменено в столь же собирательное, но уже по принципу «соседства» определение «скифы» (от *sac* – «принадлежать к кому-либо» = «саки»³⁶ к *sacviva* – «спутник» = «скифы»), а от них к подлинному этнониму этнических скифов – «сколоты».

Аналогичным образом, термин «савроматы-сарматы» являлся собирательным прото-этнонимом для другой части носителей восточно-иранского языка, которые со временем приняли подлинные этнонимы «аланы, роксоланы, языги и др.). «Сарматы» – производное от общеарийского пракорня *Sam-ar который в древнеиндийском языке имеет форму с метатезой *sárman*, *sarhita* – «товарищество». Следовательно, «сарматы» это вторая степень оз-

³⁶ Ср. албанское *shokë* – «пояс».

начающая «соседство», а «савроматы» предшествующая степень со значением «связь с родом», исходная форма которой требует особой реконструкции.

В подтверждение вышеизложенной позиции можно привести этимологический анализ этнонима Ἀχαΐοι - «ахейцы», предложенный В. Георгиевым. На основе греческого языка объяснение невозможно. В. Георгиев полагает Ἀχαΐοι из и.-е. *sok(h)^u-āi-uo (ср. авест. Нахау-, др.-инд. sakhā – «спутник, приятель, товарищ», др.-перс. Нахā-maniš «Ἀχαΐ-μένης», гр. ὁπάων – «спутник, товарищ»). Возможно иранское, фракийское или пеласгское происхождение этнонима Ἀχαΐοι. Наиболее вероятно иранское происхождение. В иранском языке антевокальное S перешло очень рано в H, исчезнувшее в термине Ἀχαΐοι, по причине диссимиляции перед следующей аспиратой, ср. др.-перс. Нахā-maniš > гр. Ἀχαΐ-μένης [13, С. 99-100].

Скифо-сарматская идиома, которая может быть прочитана по осетинскому «ныхас» – «речь» принадлежит к и.-е. корню *d̥ǵh₂ – «язык», выделяемому М. Фасмером [М. Фасмер, IV, С.550-551] для готского *tuggo*, древне-латинского *dingua*, тохарского A – *käntu* (из *tänku*) – «язык», английского *tongue*, гэльского *teange* – «язык». Таким образом, «Кол» объективно не является обозначением для языка.

Объяснение имени Колаксия, осуществлённое В. И. Абаевым предполагает основу от иранского **xol-a xšaya* < *hvar-xšaya*, что значит «Солнцес-царь». Убедительность такого объяснения обладает высокой степенью. Однако термин **kol/skol* можно объяснить и из индоиранского корня со значением «народ, люди, племя»: гилян. *xəlu* – «народ», бенгальск. *кул* – «племя», *кѳулик* – «племенной». ³⁷ Скифы, будучи относительно всего населения Скифии относительно небольшой этнической группой, могли воспринять термин «народ» из языков предшествующего им населения Северного Причерноморья. Для этого предположения есть определённые основания. В. И. Абаев отмечает наличие существенных сходжений между осетинским и рядом индоевропейских языков Европы. Они не принадлежат восточно-иранскому наследию осетинского и являются вкладом из других иранских диалектов. По мнению Э. А. Грантовского приводимые В. А. Абаевым примеры свидетельствуют о контактах иранских диалектов в областях к северу от Чёрного моря не позже II тыс. до н.э. [16, С. 357]. Не исключено, что этот термин был действительно заимствован скифами из западно-иранских языков. Таким образом, открывается картина заимствований скифами терминологии как из фракийского (киммерийского) так и из западно-иранских языков в сравнительно близкий исторический период (совпадающий с приходом скифов в Северное Причерноморье).

В гилянском языке имеется ещё лексема *koli*, которая обладает вполне определённым этническим смыслом и означает «цыган». Но в данном случае это слово *koli* отнюдь не может быть произведено из понятия «шататься», как однокоренная лексема в ряде языков (ср., например, лит. *clajoti* – «кочевать») или как среднеазиатское определение цыган «люлли» – «кочевник, шатаю-

³⁷ Ср. также н.-персидское халг, таджикское халқ, - «народ»,

щийся».³⁸ Из гилянского языка это слово может быть этимологизировано только как нарицательное. Не исключено, что в античный период в Западном Иране скифы – сколоты могли восприниматься только как неоформленная толпа, «кочевники» – *koli.

Липоксай и род «авхатов»

Довольно сложный вопрос представляет этимологизация этнического термина «лип`ы». Если Арп отражает лингвистический принцип, то логично, что по языковому признаку должен быть выделен и Лип, что отличало бы их от этнического термина Кол.

Предположение П. И. Шафарика, увязывающее Липа со славянским словом «лепый» – «хороший, добрый», интересно, но упирается в целый ряд проблем, самой простой из которых является общность балтийской и славянской лексем (лит. *labas* – «добрый, хороший»). Вместе с тем эпоним Лип можно сопоставить с литовским термином *kalba, klebetas* – «речь» (*kalbu* – «говорю»). Конечно, от Липа его отличает твёрдый первый коренной звук, более выраженный, чем в испанском *habla* – «речь».³⁹ Однако можно поставить вопрос об отождествлении Липа и племени «каллипидов», в названии которых как отмечено выше, выделяется этническая основа «лип».

Население области Липа представляет доскифское население, которое говорило на прото-балтийских наречиях, чем и отличалось от языка Арпа. Скорее всего, наречия ближайших соседей каллипидов – племени ализонов между собой различались не принципиально, причём в названии вторых также можно предполагать наличие общей корневой основы с каллипидами измененной во флексии (*lip/lib < *li(b)z). Наличие такого языка в центральной области Скифии обеспечивало её реальное единство как политического образования, находящегося под контролем ираноязычных скелотов. По Геродоту, *ализоны* являются наиболее эллинизированным племенем Скифии. Возможно, что название племени отражает эллинизированную форму от *lip – «речь». Этот этноним мог образоваться в результате взаимовлияния греческих лексем *ῥῶσσα, ῥῶττα* – «речь, слово» (*ионийск.* – *ῥᾶσσα*), являясь переходным между терминами *kabla* и *ῥῶσσα*.

В славянских языках «лепетать, лопотать», напротив, означает говорить неясно, непонятно» (ср. «немец» относительно германцев и романцев). Отрицательный смысл имеет и слово «клевета» (ср. с лит. *klebetas* – «речь»). Поэтому относительно термина «липы» можно заключить, что он мог ис-

³⁸ В персидском языке «цыган» – «гарачи».

³⁹ Корень *lip коррелируется с древнегреческим *ῥῶττα* – «речь, слово», кельтским *kaoz, komz* (брет.) – «речь», *llafar* – «речь» (кимрск.), *láf / -* (ягноб.) – «речь». Ягнобский (ново-согдийский) язык принадлежит к восточной подгруппе иранских языков. Древне-согдийский язык родственен скифскому языку.

пользоваться как этноним уже после разделения общей славянско-балтийской языковой основы.

На происхождение языка Липа определённое указание содержится у Геродота, который пишет, что от Липоксая пошёл род «авхетов». «Авхаты» (или «авхеты»), впоследствии упоминаются у Плиния, который писал, что река Гипанис (Южный Буг) берёт начало во владениях «авхетов», простирающихся до Крымского перешейка. Это дало основания М. И. Артамонову считать, что наименование «авхаты» обнимало всё Побужье, до скифов-пахарей включительно [5, С. 166]. Если «Лип» и «авхаты» не полные синонимы, то генеалогическое их родство выражено недвусмысленно. Можно полагать, что в данном случае идёт также об идиоматическом самоопределении, которое существовало наряду с самоопределением «дети, потомки». В таких случаях «человек» определял отношение к роду по принципу «понятно говорящий». В древнерусских летописях слово «язык» иногда употреблялось в качестве синонима для «народа». Поэтому если Лип – термин языковой принадлежности, то и термин «авхаты» не являющийся подлинным этнонимом, также может быть языковым признаком. В данном случае «авхаты» это слово, которое должно быть однокоренным с древнеиндийским «*vada*» – «речь, разговор, звучание», которое, возможно у населения Северного Причерноморья было огласовано и с придыханием произносилось *(a)vHata. Эта же основа получает вставную согласную «l» в латышском *valuōda* – «язык, речь». Полагая в данном случае «авхатов» названием для этой искомой идиомы, мы имеем её фиксированную в «Истории» Геродота связь с языком Липа, который представляется нам собственно прото-балтийским. Это рассуждение приводит к конкретизации области соприкосновения между балто-славянскими и индоиранскими языками в период I тыс. до н. э. Исследования О. Н. Трубочёва позволяют фиксировать в Северном Причерноморье в тот же исторический период индоарийскую лингвистическую основу. Вышеприведенное суждение, что именно литовский язык является языком посредником между иранскими и древнеиндийским в названии моря Калпиас, ещё больше укрепляет нас в этом мнении. И потому, можно предположить, что «авхеты» это собирательное понятие, которое фонетически хорошо согласуется с эпонимом библейского **Яфета**, считающегося прародителем индоевропейских народов. Некоторые черты индоевропейского культурного и языкового единства сохранялись у тех прото-балтийских племён, которые удерживали в этнониме яфетический термин.

Подобная локализация балтийских племён в Скифии расходится с принятыми представлениями о границах балтийского языкового ареала. Гидронимия балтийского типа по обоснованным данным отчётливо распространена на юг только до среднего течения Днепра, до бассейна Припяти. Южнее этой линии О. Н. Трубочёв относит к балтийским гидронимам реку Вересну (от лит. *versme* – «исток») и ряд рек бассейна Горыни – южного притока Припяти, и условно реку Шандра в Черкасской области. В своём исследовании гидронимики Правобережной Украины О. Н. Трубочёв отмечает, что данный район имеет тесные связи и с гидронимикой фракийского и иллирийского типа [52, С. 276-284]. В то же время, автор отмечает, что поиск любого суб-

страта в Южной Украине чрезвычайно затруднён, поскольку в этом регионе сильно было воздействие лексики сменявшихся один за другими кочевых народов степи. Правда следует отметить, что о возможном происхождении из балтийских языков названий большинства днепровских порогов (в нижнем течении) писал Н. И. Костомаров [32, С.109].

Вместе с тем предположение о тождестве языка народов Липа с прото-балтийским языком настоятельно требует более серьезных гидронимических аргументов. Для этого мы вновь обращаемся к области Гилее, где согласно легенде родились Арп, Гелон и Скиф. Гилею, согласно Геродоту пересекает река Пантикап (Hdt, IV. 54), где она и сливается с Борисфеном. Это может быть только современный Ингулец. Эта река также отличается сильной меандрированностью. Все объяснения этимологии этого гидронима сходятся к мнению, что Пантикап представляет собой ираноязычное словообразование со значением «рыбный путь» (*panti* – «путь» + *кара* – «рыбный»). Всё же соотношение двух понятий в этом толковании кажется чрезмерно метафоричным. Следует учитывать, что существовал ещё один Пантикап – совсем маленькая речка на Керченском полуострове, на которой возник греческий Панткапей, бывший одно время столицей Боспорского царства. Едва ли её можно связывать с рыбными промыслами. Это обстоятельство, кстати, давало основания М. Фасмеру и другим исследователям считать, что боспорский Пантикап относился к Боспору Киммерийскому (Керченскому проливу).

Более прозаично, в связи с особенностями реки, объяснить её название из литовских слов *pintas* – «витой» + *урё* – «река», «Вьющаяся река».⁴⁰ Это объяснение не оставляет больше сомнений, что балтийский ареал достигал области Гилеи. Второй Пантикап мог относиться и к коленообразному Керченскому проливу. Подтверждением тому может быть то, что Ингулец, похоже, является фракийским аналогом такого названия. Во фракийском языке *ang* – «извивающийся» (ср. лат. *angulis* – «угорь», лит. *vingris* – «змеиный»). В румынском языке характерной особенностью фонетических процессов ещё дороманского дакского происхождения выступает возможность перехода *a/i* и особенно *an/in*, что можно показать на близком по смыслу примере – лат. *annulus* – «кольцо», рум. *inel* – «кольцо».

Это предположение в принципе совпадает с объяснением О. Н. Трубачёва и других исследователей, производящих название реки от славянской основы «угол» с последующим тюркским освоением, притом, что в ряде средневековых источников называется переходная форма *Angul* [52, С. 206].

Правда, Ингулец с его уменьшительным названием должен быть вторичен по отношению к соседней реке Ингул, а тот не настолько извилист. Но это можно объяснить тем, что эта была типичная пара соседних рек, которые носили одинаковые названия, различаясь только какими-то прилагательными. Впоследствии это тождество за утратой прилагательных было переос-

⁴⁰ Литовское слово *pintas* – «витой» должно быть этимологически родственно румынскому *pant/ā* – «склон, скат», а *урё* – «река» имеет очевидные балканские параллели: *ар* – (илир)., *аре* (фрак.), – «вода, река», *árpā* (рум.) – «вода, источник»

мыслено славянами, которые продвигались с запада (со стороны Ингула) с помощью уменьшительного суффикса (*Дунай – Дунаец, Дон-Донец*).

Гипотеза о возможности проживания балтов на территории южнее среднего течения Днепра вплоть до начала I тыс. н.э. была выдвинута В. П. Кобычевым и археологически обосновывалась заключениями В. В. Седова. В. П. Кобычев систематически изучая данные для определения территории первоначального расселения славян, пришёл к заключению, что Поднепровье должно было быть заселено балтийскими племенами достаточно далеко на юг.⁴¹ В. П. Кобычев также обратил внимание на ряд малоизученных румынско-балтийских схождений, наличие литовской топонимики на северо-западе Румынии. В числе этих схождений наиболее заметны те, что основаны на корне *prus-*, том же, что и в названии балтийского племени пруссов. Топонимика с этой корневой основой была распространена в области фракийского языкового ареала (город Прусец в Вифинии и др.). Следует отметить, что в румынском языке слово *prăsilă* – «племя» может быть сопоставлено с «пруссами», и вместе с тем оно может быть переходным от имени Фираса и этнонима «фракийцы». По всей видимости, это варианты, происходящие от одной корневой основы, что может указывать на первоначальное соседство балтийских и фракийских племён. В. П. Кобычев пишет: «Без принятия тезиса о проживании балтийских племён в районе Прикарпатья и Причерноморья, невозможно объяснить, почему в исторических песнях литовцев сохраняется воспоминание о реке Дунай» [32, С. 45]. В различных говорах славянских и литовского языков слово «Дунай» является нарицательным для обозначения всякой большой воды, реки [3, С. 112]. Необыкновенно большое число балто-фракийских схождений отмечают лингвисты Л. А. Гиндин и В. Л. Цымбурский [15], что, по их мнению, означает факт несомненного соседства балтов и фракийцев. Тесные балто-фракийские контакты рассмотрены в работе болгарского учёного И. Дуриданова «Фракийский язык» [71].

Этнический характер одного из крупнейших племён Скифии – будинов, которое Геродот описывает как племя «рыжеволосых и голубоглазых людей», также имеет множество толкований. За славянское происхождение будинов высказывались П. И. Шафарик, И. П. Филевич, за балтийское происхождение – белорусский лингвист А. А. Вержбовский, В. П. Кобычев. Однако объяснение этнонима племени «будинов» в этих работах довольно проблематично. В работах И. П. Филевича и В. П. Кобычева этот этноним связывается со славянской основой со значением «дом, строить» (польское *budynek* – «здание», *budować*, – *строить*). Конкретизируя это положение, И. П. Филевич выделяет ареал распространения топонимов с корнем *bud-* в Восточной и Центральной Европе. Он идёт сплошной полосой от границ Калужской и Брянской областей, через Южную Белоруссию, Южную Польшу, Западную Украину, Чехию, Венгрию, вплоть до румынских Карпат и Молдавии. По мнению В. П. Кобычева, который локализует будинов в области реки Припять и Пинских болот, этот ареал во многом совпадает с предполагаемой

⁴¹ Кобычев В.П., В поисках прародины славян. – М.: Наука, 1973 – С.42-46

локализацией будинов.⁴² При этом В. П. Кобычев отмечает, что данная основа присутствует не только в славянских, но и в германских, и в балтийских языках (литовское *buta* – «квартира», латышское *buda* – «хижина», *buv* – «строительство» [32, С. 134]). В ср.-верх.нем. языке *bude* – «шалаш», откуда русское слово «будка» (М. Фасмер, I, С. 230).

Однако представляется, что вышеуказанный топонимический комплекс довольно проблематично увязывать именно с племенем будинов, поскольку эта терминология с большей вероятностью может принадлежать более поздним временам и относиться ко времени позднего средневековья или даже ещё более позднему времени. Максимальное число топонимов с такой основой встречается в Польше (по И. П. Филевичу более 150). Таким образом, топонимический комплекс с основой *bud-* практически полностью накладывается на ареал польского, чешского и украинского языков. В украинском языке этой терминологии соответствуют термины «будинок, будова» – «здание», «будувать» – «строить».

Нельзя полностью игнорировать сообщение Геродота о том, что будины были кочевниками. В этом смысле налицо несовпадение образа «кочевников» со «строительством». Вряд ли можно считать, что у будинов велика была роль поселений, за исключением деревянного города Гелона. Данные археологии позволяют считать, что будины были вопреки Геродоту всё же оседлыми жителями, но с большой ролью отгонного скотоводства [5, С.165].

Тем не менее, вопрос об этнониме «будины» можно представить в другом ракурсе. Возможно, что корень *bud-* произведен от индоевропейской основы со значением «дерево, лес»: др.-верхн.-нем. – *Witu* – «лес», др.-англ. – «*wudu*» – «лес», корнуэлл.- *guiden* – «лес», румынское *pădure* – «лес», галльск. – *padī* – «сосна». На образование этнонима со значением «лесной народ» «сосна» мог повлиять лесистый ландшафт в области проживания будинов.

Здесь следует отметить существенную деталь, которая может подтверждать такое понимание этнонима гелоны. Геродот пишет: «Будины ... Это единственная народность, которая питается сосновыми шишками» (Hdt. IV.109). Переводчик «Истории» Г. Г. Стратановский предполагает здесь явную ошибку, которая вызвана, по его мнению, тем, что в названии племени содержалась слово «белка», которая на языке племени называлась «поедательница сосновых шишек» [14, С. 651]. Однако вспомним, что по-галльски *padī* означает собственно «сосну». Возможно, что сосна была тотемом этого племени.

Только в галльском языке корень *pad-* означает «сосну», ему соответствует латинское *taeda* – «сосна». В румынском языке употребляется близкородственное слово *pădure* – «лес». Его принято объяснять как форму, происходящую из латинского языка, а именно из тосканского диалектного *padule* [69, Р. 664], имеющего значение «торфяное болото». Подобным же образом, Г. Мейер считал албанское *pyll* – «лес» производным от латинского *palus* – «болото». Это объяснение встретило справедливые возражения со стороны других лингвистов

⁴² В.П.Кобычев считает, что в область Припяти будины были вытеснены скифами уже во времена Геродота. Другие историки считают, что и во времена Геродота будины продолжали находиться в области Приднепровья южнее Припяти и на территориях между Днепром и Доном.

(З. Майяни и др.), указывавших на несоответствие понятий. Тоже несоответствие следует отметить и в формуле *pădure* < *padule*. Возможно, что *pădure* – «лес» является дако-фракийской субстратной лексемой (суффикс –ur характерен для многих дакорумынских слов: *bucur*, *balaur* и др.), которая с одной стороны имела бы схождения с кельтским *padi*, и смыкалась бы на востоке с лексемой *bud(in)* в схожем значении.

По эпонимическому скифскому мифу, будины не могут быть иранцами, по меньшей степени скифами. По имеющимся лингвистическим данным невозможно сказать что-либо об этнической принадлежности их этнонима. Единственным ключом к определению этногенеза остаётся поиск следов этого племени в их связи с гелонами. Будины фактически составляли одно племя с гелонами, и в последующем должен был образоваться единый племенной этноним, сохраняющий одно из двух имён.

В римских источниках начала I тыс. н.э., относящихся к Среднему Поднепровью упоминаются племена гелонов [5, С. 164]. Приблизительно в этой области, возможно локализовать и *борусков* упоминаемых *Птолемеем* [34, С. 237], вопрос об этнической принадлежности которых неоднозначен, и в данном контексте может рассматриваться в связи с известным балтийским этнонимом «пруссы». В этом же смысле интересен пример наличия фракийской гидронимии в бассейне Немана. Река Ятранка в бассейне Немана может быть, по мнению О. Н. Трубочёва только переносом названия с реки Ятрань в бассейне Южного Буга [52, С. 208-209]. Отток балтийского населения из области Липа на север можно связать с началом интенсивного движения сарматов в Северное Причерноморье в III в. до н.э., что привело к полному изменению этнической карты региона.

Из неиранских племён Скифии гелоно-будины локализовались ближе других относительно Каспийского моря. Если полагать, что среди гелоно-будинов имело место употребление термина для обозначения Каспийского моря близкого к варианту Хвалисьское море – *(H)Valās, (H)Valats то флективный вариант «п» в названии Хвалимское море может быть объяснён с позиций балтийской флективной нормы в произношении лексемы «вал» (лит. *pilimas*). Радзивилловский список, где встречается данный вариант с флексией m(<n), был написан во владимирско-суздальских монастырях. Именно в пределах Северо-Восточной Руси проживало племя «галиндов» – «голядь», которое упоминается в Ипатьевской летописи. Галиндов неоднократно сопоставляли с гелонами. Так В. П. Кобычев особо указывает на факт упоминания племени «галиндов» в ольвийском декрете в честь Протогена [32, С. 43]. В свою очередь соединение будинов с гелонами в один народ совершенно очевидно, если полагать, что производное от значения **gelo(n)t*, сохранившегося в румынском *gloátă* – «ополчение» стало общей основой для гелоно-будинов, от которых произошли галинды-голядь. Отсюда можно предполагать и взаимозаменяемость этнонимов *гелоны-боруски*, с последующим их разделением на две ветви (*пруссы* и *галинды*). В таком случае более обоснованно можно предполагать возможность наложения этнонима «будины» – **budi(n)* на основу, совпадающую с румынским *pădure* – «лес».

В южнорусских летописях второй вариант названия моря (Хвалимское) не встречается. Именно во Владимиро-Суздальском княжестве мог сохраниться подобный вариант субстратного названия, поскольку балтийское население в Подмоскowie, сохраняло стадию двуязычия до середины-конца XIII века. Неоднократно высказывались предположения, что «галинды» происходят от гелонов. Появление названия Хвалимское море в суздальско-владимирских летописях могло быть обусловлено миграцией гелоно-будинов на север, вызванной последствиями «великого переселения народов».

Следует обозначить ещё один важный гидронимический аспект. Приток Днепра в его среднем течении, река *Припять* относится к признанному и лингвистами и археологами ареалу балтийского типа, но существующие этимологии остаются неудовлетворительными. В частности попытки рассматривать звуко сочетание *При-* как приставку к балтийскому или славянскому корню остались без убедительного решения, и это может быть составной частью корневой основы [38, С. 342]. На наш взгляд, исходя из этой ситуации, следует предположить, что название реки в корне означало имя прусского бога плодородия Тримпса – «Тримпсова река», при исходной фонетической форме «Т» - *Trimps- + балтийский суффикс –ait(is). Имя Тримпса буквально означает «Топчущий», от литовского *trempti* – «топтать», и полным синонимом этого слова является литовское *tripti*. Из этой формы с ещё большей вероятностью могло образоваться название реки Припять (*Triptiaitis = Prip(y)t̃). Такой переход может быть основан не только на возможности фонетической трансформации первой согласной. На этот процесс могло повлиять употребление близкого имени прусского речного бога Потримпса, имя которого образовано с помощью приставки *Ро-* от имени Тримпса. Близость этих имён позволяет предполагать, что Потримпс постепенно отделялся от образа Тримпса, но на каком-то этапе эти божества принципиально не различались. Функции этих божеств также во многом близки, то есть «Тримпсова река» могла синонимично называться и «Потримпсовой рекой» (*Ро-trimps-+-aitis). Впоследствии по причине наличия двух синонимов могла закрепиться сжатая редуцированная форма от смешения обеих названий, где звуки *p < t* образовали один звук. Для такой этимологии есть и исторические основания. У пруссов в храме Потримпса змея почиталась как символ реки,⁴³ также как и скифская (липская?) богиня воды Апи.

Мадай и Фирас

Иосиф Флавий, впервые применивший данные библейской книги Бытия как исторический источник для решения проблематики этногенеза, так полагал потомков Ноя, сынов Иафета: Мадаю – предком мидийцев, Фираса – предком фракийцев, а Тувала (Фувала) – иберийцев, а другой сын Ноя – Гомер стал предком кельтов. Сопоставляя эти предположения с современными

⁴³ Тайлор Э.Б., Первобытная культура – М.: Политиздат, 1989, С.386

языками можно обнаружить как подтверждение этим сведениям, так и противоречия с ними. С именем Фираса коррелируется как румынское слово *prăsilă* – «племя», которое вероятно происходит из того же словообразовательного гнезда, что и слово *bajrak* – «племя, род, знамя» в албанском языке и болгарское слово «*байраче*» – «флажок». Первое можно рассматривать как фракийско-балтийское схождение, а второе может быть ближе к названию Фригии (Φρύγες) если конечно, не согласиться, что Фригия, собственно, слово генетически близкое с названием Фракии. Такое понимание названия Фригии объясняет вариант наименования этой страны у Геродота – *Bρύγες* который не совсем согласуется с известными данными по фонетике фригийского языка [22, С. 360]. В. Георгиев объясняет подобные разночтения влияниями соседних фригийцам народов и реконструирует исходную форму – **Bhruges* [68, С.77]. Здесь следует отметить, что одно из фракийских племен, от которых по Геродоту происходят фригийцы, и называлось непосредственно «*бриги*» (Hdt, VII.73). Во времена Геродота племя бригов продолжало оставаться во Фракии. Этот этноним также восходит к семантическому полю «пояс, связывать, обозначать»: ср. дакорум. *brîu* – «пояс», алб. *brez* – «пояс».

Именно в гилянском языке лексема *beyrey* – «знамя» < пучок, связка» имеет наиболее чёткую параллель с балканскими лексемами (ср. н.-перс. *rag* – «связка», *parčam-* «знамя», пехл. *barsom* – «пучок, связка», авест. *barsman* – «соломенная подстилка, на которой восседает божество»). Интересно, что мидийский город Рага в «Авесте» носит эпитет «многоплеменная», что может указывать на наличие некоего племенного союза в этимологии названия самого города (н.-перс. *rag* – «связка»).⁴⁴

Другим свидетельством пребывания прото-мидийских племён в Северном Причерноморье в соседстве с киммерийцами может объяснение этимологии меотского племени **siraka* («сираки»), которое обитало к северу от среднего течения реки Гипанис, там, где в неё впадает река Лаба. На западе сираки смыкались с меотскими племенами, на севере граничили с савроматами. По мнению О. Н. Трубочёва этот этноним может быть сопоставлен с др.-индийским *siṛā* – «река, вода». Однако можно объяснить этноним сираки из западно-иранских языков. В гилянском языке слово *aširə* является термином означающим «племя», в курдском *ešîret* – «род». Можно предположить, что этноним **siraka* восходит к одному корню с западно-иранским **ašira(t)*.

Фракийское слово *muka-s* – «род» определённо может быть сопоставлено с названием мидийского племени «*магов*», древн.-перс. «*магу(ш)*», с осет. *мыггаг* – «род», то же что библейский Магог (Быт. 10.2), *возможно сюда же относится балканизм tegeiș* – «сосед» в румынском и венгерском языках). Если это так, то показательна эволюция одной лексемы от понятия «род» в древнем фракийском языке к понятию «сосед» в современном румынском. Кроме того, в гилянском языке лексема *muhit* – имеет близкое зна-

⁴⁴ Гилянский глагол *farəy* – «быть свободным от ч.-л.» является только омонимом относительно этнонима «фракийцы». Ср. лат. *fēro, tūli* – носить, итал. *fardello* – «ноша», гилянское *farəy bostən* – «рождать».

чение «общество». Таким образом, в значительной степени подтверждается связь по линии Мадай-Фирас-Магог, рода Яфета.

Характерно наличие общей флексии в именах, например: мидийское Маздак [60] и фракийское Спартак.

Среди фракийских племён принято выделять дако-мёзийскую группу. Одним из крупнейших племён этой группы были мёзы (мизийцы). Достоверных сведений о мёзийском диалекте очень мало. По предположению В. Георгиева мизийцы (Μύσοι) – это тотемное название от и.-е. основы *mūs – «мышь» [68, С. 59].

Потомками мёзов является романо-язычное население на территориях современной Албании и Греции. Это арумыны и мегленорумыны, которых византийцы и славяне называли влахами или по-славянски *куце-влахами* (буквально: обособленная группа валахов). Первое валахское государственное образование фактически сложилось в X веке в Фессалии и Пинде, доставляя определенное беспокойство Византийской империи. В Албании, романо-язычное население – арумыны заселяют юго-восточную часть страны, проживают они также в греческой Македонии. Своеобразной столицей арумын в период османского господства был город Воскопоя (Мосхополис) – процветавший в XVIII веке культурный и экономический центр, известный своей «Новой Академией», и разрушенный в результате османских набегов в начале XIX века.

Вопрос о происхождении арумынского этноса остётся неясен, ведутся споры о том, проникли ли они из более северных областей или являются автохтонным населением к югу от Дуная [21, с. XXXII]. Основа «*mosHo*» в названии города может рассматриваться как свидетельство об этническом происхождении арумын от племён мёзов и в определённой степени отвечает на этот вопрос.

О загадочном пантеоне фракийцев, вероятно, может что-то сказать дальнейшее систематическое сопоставление фракийской и западно-иранской терминологии. Имя бога **Гебелейзиса** по мнению некоторых исследователей происходит от индоевропейского корня *g'heib – «свет, молния». Однако корневая основа *gab-l*, *geb-l* может быть сопоставлена с гилянским словом *γəbīlə* – «племя», персидским *gabīle* – «племя», украинским *кодло* – «род, племя». Эти лексемы происходят от иранского корня *gau:gu*, *gau-t/θra* – «расти, быть природным, относиться к роду, род, семья» откуда происходят др.-инд. *gotradevata* – родовое божество, ср.-перс. *gohr* {*gwhl*} – «сущность, происхождение».⁴⁵ Этот корень, вероятно, близок к индоевропейскому *sebh – «родство» [60, С. 107]. Может быть, это имя обозначает племенного боготворца, близкого по функциям к древнеславянскому **Роду?** Так Геродот сообщает, что фракийские племена «вовсе не признают иного бога, кроме своего» (Hdt, IV. 94).

⁴⁵ См. Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 3 - М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2007, С.226-227.

Проверочным для этого суждения должно считаться имя **Залмоксис** (Салмоксис, Σάλμοξις, Ζαλμοξις), которое по Геродоту является синонимом Гебелейзиса. Оно, по всей видимости, также означает «род» и производно от фракийского *zelmis* – «потомок» (ср. лит. *atžala* – «отпрыск»). Для мышления о своём происхождении для древних племён достаточно характерно самоопределение «потомки», что видно по тем же эпонимам. Таким же образом праславы, до оформления этнонимов собирательно именовали просто «потомками», «чадами». Форму, употреблённую у Геродота можно объяснить греческим влиянием, более того именно особенности греческого языка, возможно, стали причиной для некоторых греческих легенд о фракийцах. Форма Салмоксис входит в обиход у эллинов под влиянием греческого слова *ψαλμος* – в современном значении «псалом» (ср. итал. *salmo* – «псалом»). Однако в древнегреческом языке оно означало: 1) звуки лиры, пение; 2) напряжение, натягивание (в том числе и лука), могло быть употреблено для выражения «подстреленный из лука». Полностью же в сообщении Геродота говорится что фракийцы во время грозы «пускают стрелы в небо и угрожают богу (Залмоксису), так как не признают иного бога, кроме своего» (Hdt. IV.94). Это довольно двусмысленная фраза.

Поскольку Геродот использует в качестве источника для своего повествования рассказы причерноморских эллинов-колонистов, которым по его собственному признанию не слишком верит, то вполне возможно, что рассказ о стрельбе из лука основывается на игре слов. Возможно, имел место обряд умеренного «поношения» божества, который засвидетельствован у многих народов.⁴⁶ В ходе этого обряда возможны были песенные формы, отдельные громкие восклицания, а возможно даже и элементы экстатического плана. В греческом же языке слово *ψαλμος*, использованное для описания этого обряда, привело к изменению значения «пения» на «натягивание лука», которое и попало в «Историю» Геродота.

От Гебелейзиса очевидным образом возможна прямая параллель к имени фригийской богини **Кибелы** – «Великой матери богов» и её экстатическому культу. По вышеописанным функциям она вполне обоснованно может считаться женским дополнением к Гебелейзису (как Рожаницы к Роду). Гипотеза о наличии такой связи пока не имеет строгих доказательств. Более доказательным является принятое в исторической науке происхождение имени Кибелы от имени шумеро-аккадской богини Кубабы, которая была принята в хетто-лидийский пантеон. Однако при этом этимология имени Кубабы не имеет достоверного объяснения. Картина заимствования малоазийскими индоевропейцами (хеттами, лидийцами, и затем фригийцами) богини Кубабы выглядит столь линейной и просто объяснимой только в рамках исторического периода, засвидетельствованного в письменных источниках. При углублении в доисторический период она уже не представляется столь однозначной. Культ Богини-Матери широко распространён по всей Юго-

⁴⁶ По В.И. Далю «*хабалить*, *хабрынить*» означает «ругаться, буянить, озорничать». Но в португальском языке *gabar* означает «хвалить».

Восточной Европе уже в эпоху неолита, в частности в Дунайской культуре I [60. С. 161]. Согласно Г. Чайлду женские изображения, принадлежащие этой культуре, безусловно, имеют южное средиземноморское происхождение и восходят к общему прототипу с культурами Крита и Египта. Проблема этногенеза носителей дунайской культуры и культурных связей между балкано-дунайским регионом и западной частью Малой Азией в период неолита существенно выходит за рамки задач нашей работы. Существуют обоснованные гипотезы о тесной связи этих двух регионов, включая гипотезу о движении индоевропейцев из Малой Азии (В. А. Сафронов, Индоевропейские прародинны, Горький, 1989). Ясно, что этот культ представляет не изолированное явление, а продолжает существовать в различных археологических культурах Юго-Восточной Европы в течение всего неолита и энеолита вплоть до бронзового века. В среднем неолите карпато-дунайского региона (3500-2700 гг. до н. э.) женские скульптуры, вероятно имеющие отношение к культу плодородия фиксируются в культуре хаманджия в Добрудже [9, С. 56-57]. В бронзовом веке культура гырла-маре на Дунае даёт необычайно многочисленные женские фигурки, представляющие аграрный культ плодородия, связанный с культом богини-Матери [9. С. 98-99]. Изучение взаимовлияний культуры гырла-маре и других культур карпато-дунайского региона показывает, что происходящие в ней процессы по своему характеру представляли континентальное вступление к «великому эгейскому переселению» в который оказался вовлечён протофракийский мир [9. С. 98], а также фригийцы и другие племена.

В этот контексте требуется понимание того факта, что фригийцы, троянцы, лидийцы и другие племена вполне могли иметь отношение к культу богини-Матери ещё задолго до миграции в Малую Азию. Но мы, конечно, не можем иметь представления о том, под каким именем эта богиня была известна племенам Юго-Восточной Европы в период неолита-ранней бронзы.

Поэтому сопоставление имён фракийского бога с фригийской богиней может оказаться вовсе не таким бессмысленным. В течение продолжительного времени «патриархальные» культы индоевропейцев могли смешиваться с восточно-средиземноморскими влияниями, для которых были характерны женские культы плодородия. Так или иначе, они становились органической частью самих индоевропейских культур, как это показывает пример греческой мифологии.

Фригийское царство в VIII в. до н.э. занимает основная часть киммерийцев, оставивших Северное Причерноморье. В рамках концепции М. И. Артамонова о мирной миграции киммерийцев можно говорить о переходе одной группы родственного населения к другой. Геродот говорит о фракийцах как о весьма многочисленном, но раздробленном народе, больше которого по численности только индусы (Hdt. V. 3.). Из этой раздробленности очевидно следует, что различные группы самих фракийцев должны были быть в известной мере диалектно обособлены. Известные же сведения о фригийском языке несколько отдаляют его фракийского языка. В. Георгиев полагает, что вопреки своей близости фракийский и фригийский следует считать

двумя близкородственными, но отдельными языками [68, С. 78-79.] Уже на примере деления по лексемам «ключ» можно увидеть, что ещё до миграции в Малую Азию во фригийском языке имелись промежуточные формы, характерные как для «фракийской» так и для «иллирийской» групп.

Противоречием для «фракийской версии» генеза киммерийцев является сообщение Страбона о том, что те напали на Фригию около 676-674 г.г. до н.э., и сам царь Мидас будто бы отравился бычьей кровью, чтобы не попасть в руки киммерийцев. Возможно, что киммерийцы действительно были привлечены к решению какого-то династического вопроса во Фригии

Термин «фригийцы», который известен по письменным источникам, представляет достаточно широкое понятие, в рамках которого можно выделить несколько этнических групп [22, С. 364-365]. Фригийцы, или «великофригийцы», по определению И. М. Дьяконова – близкородственные фракийцам выходцы с Балкан. Полностью не ясны связи фригийцев с прото-армянскими племенами, которые возможно предшествовали фригийцам в движении на восток. В ассирийских текстах часто упоминаются «мушки» и их царь Мита (Мидас), безусловно, отождествляемые с фригийцами. Известно также, что во Фригии ещё до киммерийцев расселилась и часть мёзов (мисов), особенно учитывая, что кроме балканской Мёзии аналогичное название носила и заселённая мисами область западнее Фригии, расположенная на северо-востоке от Лидии.

Этноним «мушки» убедительно связывается Г. А. Капанцяном с современным грузинским словом «*сомехи*» – «армянин», где префикс *sa-* означает «место, страну». И. М. Дьяконов полагает, что именно «мушки» были носителями того диалекта армено-фригийского языка, из которого развился армянский язык. Согласно В. Георгиеву в армянском языке слились как армено-фригийские, так и мёзийские компоненты. Сам этноним «мушки», по мнению болгарского лингвиста идентичен с этнонимом «*мизийцы*» (*Mvsoi*) [68, С. 80-81]. Интересно сравнить его и со средневековым топонимом – Мосхополис в Албании.

Фригийское государство складывалось из слияния новаций, привнесённых фригийцами, и культурных традиций предшествующего периода, принадлежащих хетто-лувийскому населению Анатолии. Эпоха масштабных миграций «народов моря» конца II тыс. до н.э., привела к падению Хеттского царства. Однако, как отмечает Т. А. Моисеева, во Фригийском государстве получило развитие «исторически закономерное продолжение анатолийской государственности предшествующего периода» [37, С. 14 и далее]. Очевидно, что ко времени вторжения киммерийцев во Фригию в этом государстве объединяются несколько этнических компонентов: потомки хеттов и происходящие с Балкан и близкие в языковом отношении – фригийцы, мёзы (мисы), прото-армянские племена. Для соседних с Фригией народов их самоназвания естественно представлялись синонимичными. Но именно для киммерийцев, в том случае, если они принадлежали племенам фракийского круга, различия, а не сходство между этими группами должны были представляться более чёт-

кими. Вмешавшись во внутренние противоречия в пользу одной из сторон, с Фригией в целом как со страной киммерийцы не конфликтовали.

В своём исследовании вопроса скифско-киммерийских вторжений в Азию, Б. Б. Пиотровский отмечает, что тщательный анализ источников позволяет заключить, что эти вторжения не были просто разбойничьими набегами. Они являлись составной частью начавшегося процесса политического преобразования региона, который привел к распаду крупных империй и возвышению самостоятельных региональных государств [40, С. 173-174]. Киммерийцы поселились в восточной части Фригии, а также восточнее её, по течению реки Галис. Несомненным остаётся тот факт, что пока киммерийцы оставались в Азии, Фригия сохраняла свою независимость. После ухода киммерийцев, произошедшего в результате их поражения от лидийского царя Алиатта, Фригия попадает в зависимость от Лидии. Документированные источники подтверждают, что не только киммерийцы находились в состоянии конфликта с Лидией, но и триры-фракийцы, с которыми сам Страбон отождествлял киммерийцев. В конфликт с Лидией в 590 г. до н.э. вступила и Мидия, вытеснившая скифов из Азии в период между 595-590 годами до н.э. (Лидия также претендовала на территорию, которую занимали скифы).

В своём основательном исследовании античных источников о пребывании киммерийцев и скифов в Малой Азии, А. И. Иванчик отметил очень важную закономерность. В различных традициях изгнание киммерийцев увязывается с победоносными действиями неких «отважнейших псов». В содержании этих преданий исследователь предполагает указание на форму воинского сообщества, характерную для восточно-иранских племён, которые символически сравнивались с псами или волками. В связи с этим предполагается, что скифские отряды приняли самое деятельное участие в изгнании киммерийцев из Малой Азии [30, С. 175, 187-189].

В любом случае характер политических преобразований происходивших в Передней Азии не оставлял места племенам, находящимся на стадии до-государственного устройства, ни киммерийцам, ни скифам. Судя по характеру фригийских и киммерийских миграций, складывается впечатление, что различные племена фракийцев имели возможность совершить квазициркуляцию вокруг Чёрного моря (войти в Малую Азию, а затем вернуться в степи Причерноморья) в период до наступления скифов с одной стороны, и возвышения Лидии с другой стороны.

Далее логично предположить, что верования древних славян, смыкавшихся на юге или юго-востоке своего ареала с дако-фракийским ареалом, могут иметь близкие к фракийским формы. Противоречивую этимологию слова «берег^{ыни}», объясняемую в литературе от 1) «имени Перуна», 2) «лесистого холма», или 3) «берега», тоже можно объяснить с позиций выделения родовых тотемов, которые именовались схожим образом с албанским *bajrak*, гиланским *beyrey*, румынским *prăsilă* (от общего корня **frak*, *brak*. «Берег^{ыни}», поскольку они женского рода, по всей видимости, должны означать «сестёр» или «род по женской линии». Получается, что в этом случае степень родства также восходит к этимологии, имеющей в своей основе понятие «связь». В

праславянском языке албанскому *bajrak*, гилянскому *beyrey* соответствует слово **veriga* (русское «*вериги*», болгарское «*верига*» – «*цепь, оковы*» → румынское *verigă* – «*звено*» < славянского корня). Разумеется, контекст праславянского **veriga* и его современное значение весьма различны. Следуя этим соображениям, отсюда происходит и русское слово «*брак*» – «*союз, связь*», объясняемое в этимологических словарях от глагола «*братъ*».

Академик Б. А. Рыбаков, отмечал, что уже для древнерусского летописца представлялось ясным отнести «*берегынь*» к наиболее архаичным слоям верований, предшествующих появлению образа одного бога Рода. По всему можно заключить, что они остались у славян ещё от общеиндоевропейского периода. В иранской традиции от этого анимистического образа, по-видимому, происходят «*паурики*» – существа дэвовского плана, колдуньи, обольстительницы. Отнесение их к числу дэвовских существ, произошло должно быть в ходе зороастрийской реформы, отвергнувшей ряд архаичных божеств.

Таким образом, можно выделить несколько вариантов развития одного первоначального образа: 1) «*берегыни*» у славян; 2) *Кибела* и *Гебелейзис* у дако-фракийцев и фригийцев; 3) «*паурики*» у иранцев. Однако северо-западная подгруппа иранских языков в данном случае обнаруживает большую архаичность относительно юго-западной подгруппы, к которой относится персидский язык. В гилянском языке сохраняется более архаичное значение лексемы *beyrey*, значение которой сближается со значением во фракийском языке. Получается, что западные иранцы подключились к зороастрийской реформе несколько позже. В религии магов можно выделить элементы общие для западных иранцев и фракийцев. Как представляется, именно это обстоятельство создало условия для необычности трактовки образа богини воды и плодородия Ардви-Суры-Анахиты в пантеоне Ахеменидской эпохи, единственной богини представленной в «Авесте» (в завершающих строках «Абан-Яшта») в человеческом образе. В селевкидскую и парфянскую эпоху она прямо отождествлялась с Кибелой. В данном случае в интерпретации магов Ардви-Сура в человеческом образе представляет тот аспект божества, который связан с рекой как олицетворением речи и родоначалия, и в этом она смыкается с образом Кибелы – Гебелейзиса. В индоарийском пантеоне богиня Вач, олицетворявшая «речь» и отождествляемая со священной рекой Сарасвати обладает существенно более метафизическими чертами, и, скорее всего также трактовалась и иранская Ардви-Сура в начальных строках Абан-Яшта, где она выступает в образе реки. Наибольшее смысловое и лингвистическое единство образуется между фракийской и мидийской трактовками, и это совершенно невозможно объяснить с позиций сугубо ирано-фригийских контактов.

Вывод о возможной непрерывности контактов между иранскими и европейскими и.-е. языками не нов. Он достаточно разработан в отечественной и зарубежной иранистике. Лучше всего он изучен в рамках того же мидийского вопроса. Появление иранского населения в исторической области Мидия, согласно ассирийским источникам датируется IX в. до н.э., и, скорее

всего, произошло несколько раньше этого периода. Дискуссионным для исторической науки остается вопрос об исходной точке движения западных иранцев. Две основные версии позволяют считать таковыми точками: 1) территорию Средней Азии с движением через Центральный Иран; 2) степные районы юго-востока Европы с движением через Кавказ. В частности, Э. А. Грантовский обстоятельно аргументируя вторую версию, полагает, с условием формирования арийской общности в целом в Юго-Восточной Европе, что ираноязычные племена непрерывно продолжали обитать в Северном Причерноморье до начала передвижений в этот регион скифов в VIII в. до н.э. [16, С. 351-360].

Однако при таком раскладе проблема киммерийцев не рассматривается, и они, следовательно, автоматически причисляются к числу племён скифского круга. В связи с этим обращается внимание и на безуспешность попыток выделить в топонимике Северного Причерноморья фракийский или иной и.-е. субстрат. Однако вышеприведенные данные позволяют интерпретировать в качестве фракийского субстрата ряд ключевых географических объектов Северного Причерноморья и Прикаспия (Борисфен, Гилею, Ингулец, Сал, Синус-Синд, Хвалисское море). Наречие киммерийцев в этом контексте является промежуточным звеном между фракийским и западно-иранскими языками, что следует из этимологии этнонимов *гелены*, *магуш*, *сираки*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изложенные данные, позволяют в определённой степени восполнить некоторые недостающие языковые элементы, вопрос о поиске которых был поставлен М. Фасмером. Фракийское племя киммерийцев не было просто «иранизированным», как предположил К. Леманн-Хаупт. Оно в значительной степени дольше других фракийских племён сохраняло языковые контакты с западными иранцами. Фракийцы и прото-мидийцы являлись племенами переходного типа от родства к соседству. Их объединяла общность элементов племенной тотемной символики и совпадение в трактовке пантеона. Лишь много позже фракийцы вступили в контакт со скифским языковым ареалом.

Не затрагивая проблемы общеарийского периода, полагаем, что рассмотренные здесь материалы позволяют расширить представление о роли и месте киммерийцев в их отношении к западным иранцам в период конца II - начала I тыс до н.э.

В рамках рассматриваемой в данной работе терминологии большинство данных говорит в пользу «северной версии» миграции прото-мидийцев, с территории, где они непосредственно смыкались с фракийцами (конкретно с их восточным крылом – киммерийцами). Фракийским (киммерийским) субстратом является древнейшее название Каспийского моря, зафиксированное в древнерусских летописях. Доскифским, и, по всей видимости, фракийским, субстратом является название Борисфена, Синуса и других гидронимов. Фракийцы, занимавшие достаточно обширные территории от Северного Причерноморья до южных Балкан, в этот исторический период имели возможность совершить миграционную квази-циркуляцию вокруг Чёрного моря. В Малой Азии они имели родственное и близкое по пантеону население (фригийцев и мёзов), которое со временем отделилось в языковом отношении. В Мидии фракийцы имели культурно близкое население (соседей родственного типа), с которым киммерийцев связывали союзнические отношения, основанные на длительном совместном проживании на сопредельных территориях между Чёрным и Каспийским морями. Именно миграция прото-мидийцев на юг привела к созданию вакуума, который стал постепенно заполняться племенами скифского ареала.

Совокупность данных по морской терминологии позволяет заключить, что к рубежу II – I тыс. до н.э. индоевропейские племена, занимавшие территории с востока, севера и запада Каспийского моря имели осевое деление «восток- запад» в употребляемой для наименования моря лексике. На западном и северном побережье преобладали лексические формы **(H)Valās / (H)Valāts* (киммерийская, фракийская) и **(H)lapes / (H)alpis* (мидийская, геленская, западно-иранская), последняя из которых имеет наиболее выраженную связь и с кавказскими языками, и с санскритом, и распространяется на

юго-западное побережье. Не исключена её связь с языком ариев Митанни хотя этому нет никаких хронологически выверенных доказательств. С другой стороны эта мидийско-древнеиндийская двойственность в названии моря Калпиас может каким-то образом подтверждать и гипотезу о наличии индоарийского элемента в составе меотских племён и в Северном Причерноморье, что с большой степенью доказательности предполагается в трудах О. Н. Трубачёва.

На восточном берегу моря (и на побережье Аральского моря включительно) преобладали формы от и-е. $*k^w ar$ > иранское *hvāiris*, *u-vāras*, которые прослеживаются в языках юго-западной подгруппы иранских языков: в перс. *horišan* – «кипящий, бурлящий» и в северо-восточной подгруппе иранских языков: осетинское «хырыз» – «зыбкий». Синонимичным названием было также авестийское Ворукаша.

Варуна

Совокупность изложенных этимологических данных, возможно, позволяет предположить ещё одно решение этимологии имени ведического бога космических вод **Варуны**. В предлагаемых в литературе толкованиях она, по выражению французского историка Ж. Дюмезиля, раздирается между корнями со значениями «покрывать», «объявлять», «выбирать». Варуна – деятельный бог, бог-демиург и представляется, что его имя может означать такие свойства воды, которые связаны с «бурлящей, клокочущей, вздымающейся водой». Семантическое поле, которое соотносится с именем Варуны, включает в себя лексемы **varunə** (гилян.) – «*вверх (дном)*» < *взбурлить*, **arunca** (рум.) – «швырять, бросать». Название реки Арно в Тоскане объясняется Ю. Покорным от соответствующей и.-е. основы со значением «бурлить, волноваться» [38. С. 32].

Последовательность этого семантического ряда позволяет поставить вопрос о тождестве Варуны и балтийского бога плодородия **Тримпса** («Топчущего») или точнее, происходящего от него бога моря Аутримпса. Поэтому Аутримпс, возможно, также является и «волнующим» богом, «колебателем», также как и Посейдон с его эпитетом «Колебатель» (ср. лат. *tremefeci,-ere* – «колебать», фр. *trouble* – «волнения», итал. *trambusto* – «сутолока», *tremito* – «дрожь»). Албанское *tundem* означает не только «качаться, трястись» но «сбивать масло» (ср. лат. *unda* – «волна», гилян. *tund* – «быстрый», фракийское *tund* – «толкать, колотить»). Кроме того, это божество воплощающее стремительность (ср. *prompt* – «проворный»).

Это объяснение вполне согласуется с образом действий божества. Как отмечает на основе исследования древнеиндийских гимнов Ж. Дюмезиль, действия Варуны отличаются *неистовостью*, ему «принадлежит масло, которое сбивают, молоко, которое поставлено на огонь, и возбуждающее действие сомы».⁴⁷ Такие действия определено могут быть отнесены к «буруну, морскому валу, брызгам, качке, бурлению» и имя Варуны сопоставимо с рассмотренным в связи с этимологией Каспийского моря лексическим массивом. В свою очередь в связи с именем речного бога Потримпса можно объяснить название реки Припять, и приблизительно обозначить линию западно-иранско-балтийских контактов в области между средним Поднепровьем и Доном, где локализовалось племя гелоно-будинов.

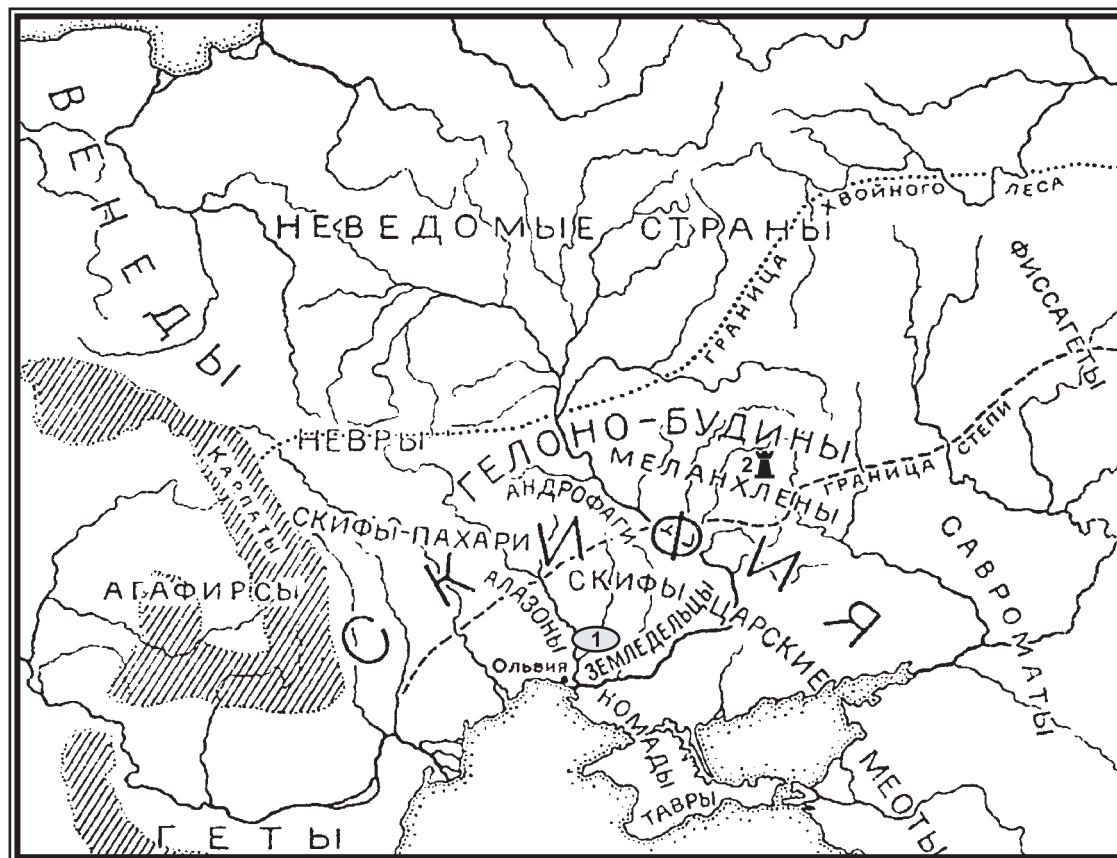
Подтверждение связи имени бога Варуны с «бурлящим морем» можно также найти в устойчивых языковых ассоциациях «волны» и «бегущих лошадей» в мифологии различных народов. Морские божества греческого пантеона Посейдон, римский Нептун и его персидский «тёзка», обитающий в Ворукаше – Апам-Напат, перемещаются в *конных* упряжках или владеют *конями*.

⁴⁷ Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев – М.: Наука, 1986. – С. 47

В славянских языках бытовало слово «*клясаць*» – «бежать рысью» (о лошади),⁴⁸ не говоря уж о том, что слово «*кляча*», по-видимому, было синонимом «лошади», означающим серую масть (ср. рум. *cal* – «лошадь», талышское *ĉal* – «серая, чалая лошадь»). Обращает на себя внимание, что это цвет вспенённой морской воды. Показательно, что греческое слово *κλύδων* – означает не только «*прибой*», но и «*бешеные скачки на конях*». Морская волна, похоже, некогда вызывала ассоциации с бегущим табуном лошадей. Очевидно, что лексема «лошадь» имеет генетическую связь с «*быстротой*», что доказано А. Н. Афанасьевым в его капитальном труде «Поэтические представления славян о природе», а также с терминами «*верховая, всадник*». В *таблице 1* представлены близкородственные лексемы по линии «*быстрый – волна*». Фракийское слово *esb, esvas* – «*конь*» имеет очевидную связь с названием племени каспиев («*всадники*» < «*конники*», талышское *asbō* – «*всадник*», *asr* – «*лошадь*»).

Отсюда правомерно возникает предположение, что существует, по меньшей мере, семантическая связь между морской волной, названием племени каспиев, и названием моря, хотя и нельзя утверждать это абсолютно. Если же эти предположения верны, то проблему деления названий Каспийского моря по оси «юг-север» можно было бы считать снятой. Различные названия Каспийского моря составляли бы вариации от одной основы.

⁴⁸ Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Под ред. О. Н. Трубачёва, Вып. 8. – М., 1981. – С. 56

Карта Скифии (по Геродоту)

1. Калипиды
2. г. Гелон

Ареалы лексемы «волна» в эпоху Страбона и Плиния

Summary

The Caspian sea is not only the greatest lake on our planet but also an important area of civilizational contacts of the ancient world. There are about 70 variants of its name known these days. However, most of them reflect the medieval geographical views which turn to be close to the cultures of the southern and eastern sea coasts. But what do we know about the way how the Cimmerians and the Scythians, the nations that inhabited the northern and northwestern shores in the ancient epoch, named this great sea? The ethnocultural and linguistic characteristic of these two nations, especially that of the Cimmerians, represents a far-back historical riddle.

In this monograph a supposition is made that some of the names of the Caspian sea from this variety have the same semantic base. That refers to the names known from the Caucasian folklore (the Calpias sea) and from the written sources of the Medieval Rus (the Khvalisskoe, Khopuzhskoe sea). A single system of the geographical views on the Caspian sea referring to the prehistoric period is being reconstructed by means of the linguistic reconstruction method. From the point of view of the ancient Iranians, Thracians and Caucasians, and probably of the minorasian Aryans (Indo-Aryans), the Caspian sea had a common hydronym meaning “nasty sea, with waves”. In accordance with this interpretation it seems possible to give the etymology of the Indoaryan water God’s name Varuna as “a shaker, a makebate (of the sea)”.

In the context of reconstruction of the sea ancient name its relation to the Cimmerian language is being considered. Close ties with the most ancient hydronymics of The Caspian sea are traced in the Thracian language. Hence, the ethnocultural characteristics of the Cimmerians as a Thracian tribe are being viewed. The etymology of the ethnicon “the Cimmerians” is considered to be Thracian. The formation principle of the ethnicons conveying the concepts of “generation, kinship” of the Thracians and Iranians are being studied. The linguistic peculiarities of these ethnicons formation are found to be very similar in Thracian and West Iranian (Median) idioms. Therefore, the Cimmerians could have been an intermediate link between the Thracians and the Medians.

While comparing the semantic links of the ancient name of the Caspian sea the principle of their formation in the Indo-European languages is being studied. Concept links are found among the lexemes “a wave”, “an axis”, “a spring”. The cause links of a Russian lexeme “ключ” (an object, related to Latin “clavus”) and a Slavonic and Germanic lexeme “ключ, Quelle” (a spring) are analyzed. The material presented is as exemplified by the words from different languages with the elements of the lexemes reconstruction in the Illyrian, Thracian and Old Russian languages.

The second part of the monograph is devoted to the region of The Northern Greater Black sea area, which is geographically very close to the Caspian. This territory inhabited after the Cimmerians by the Scythians continued to remain a poly-ethnic community. The etymological analysis of the Scythian eponymic myths and ethnicons of the Scythian tribes is carried out. The ethnical links of these tribes are stratified and the linguistic principles of their ethnicons formation are worked out. Most of the ethnicons reflect the processes of family and tribal relations. Such terms as “a family link and symbols”, “neighborhood” play an important role in their formation. In addition, the designation of the language community takes a significant part in formation of the ethnicon. The etymological analysis of some hydronyms (Borisfen-Danapris, Panticap, Sal, Pripyat, the river Sinus in geography Strabon, etc) is carried out. Some of the data enables us to distinguish Baltic and Thracian elements along with the Iranian one in the ethnic composition of Scythia. The Thracian substrate is determined up to the region of the Don and the Baltic substrate is up to the Panticap.

Литература

1. Абаев В. И., Историко-этимологический словарь осетинского языка, Т.1., -Л.: Наука, 1958. – 665 с.; Т.3, -Л.:Наука, 1978. – 358 с.
2. Авеста . Избранные гимны. Перевод с авестийского и комментарии проф. И. М. Стеблин-Каменского. Душанбе: Адиб, 1990. – 176 с.
3. Агеева Р. А., Происхождение имён рек и озёр. – М.: Наука, 1985. – 144 с.
4. Агеева Р. А., Страны и народы: происхождение названий. – М.:Наука, 1990. – 254 с.
5. Артамонов М. И., Этногеография Скифии // Учёные записки ЛГУ № 85, Серия ист. наук, Вып.13 – Л., 1949. – С. 129-171.
6. Артамонов М. И., Киммерийцы и скифы (от появления на исторической арене до конца IV до н.э.). – Л.: Изд. ЛГУ, 1974. – 156 с.
7. Афанасьев А. Н., Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. В 3-х т., -М.: Солдатенков, 1868. Т 1. – 800 с., Т.2.- 784 [3] с., т. 3. – 840 с.
8. Бертагаев Т. А., О монгольских и бурятских гидронимах. // Ономастика Востока. – М.: Наука, 1980, – С. 124-129.
9. Берчу Д., Даки. Древний народ Карапат и Дуная. – М.: Центрополиграф, 2008. 192 с.
10. Бундахишн // Зороастрийские тексты. Изд. подготовлено О.М. Чунаковой. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. – 352 с.
11. Воронков А.А., Единый семантический комплекс древних названий Каспийского моря // Челябинский гуманитарий, – 2010. – № 2. - С. 86-96.
12. Витчак К. Т., Скифский язык: опыт описания // Вопросы языкознания. – 1992. – №5. – С. 50-59.
13. Георгиев, В. И., Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. - М.: Изд. иностр. лит., 1958, 317 с.
14. Геродот, История. Перевод и прим. Г. А. Стратановского – М., Ладомир, 2002. – 752 с.
15. Гиндин, Л.А., Цымбурский, В.Л., Гомер и история Восточного Средиземноморья, - М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1996. 328 с.
16. Грантовский Э. А., Ранняя история иранских племён. – М.: Наука, 1970. – 395 с.
17. Даль В. И., Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т., М., Русский язык, 1989. Т. 1. 1989. – 699 с.; Т. 2. 1989. – 779 с; Т. 3. 1990.- 555 с.; Т. 4. 1990 – 683 с.
18. Десницкая А. В., Славянские заимствования в албанском языке. – М.: Изд. АН СССР, 1963. – 30 с.
19. Добльхофер Э., Знаки и чудеса. – М.: Издательство восточной литературы, 1963, 386 с.
20. А. И. Доватур, Д. Л. Каллистов, И. А. Шишова, Народы нашей страны в «Истории» Геродота. – М.: Наука, 1982. – 455 с.
21. Домосилецкая М. В., Албанско-восточно-романский сопоставительный словарь. Скотоводческая лексика. – СПб.: Инст. Лингв. Иссл. РАН, 2002. – 615 с.
22. Дьяконов И. М., Фригийский язык. // Древние языки Малой Азии. – М.: Наука, 1980. – С. 357-377.
23. Дьяконов И. М., Киммерийцы и скифы на древнем Востоке // Российская археология. – 1994.- №1. – С. 108-116.
24. Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев, М.: Наука, 1986. – 234 с.

25. Жило В. П., О названиях Каспийского моря. // Известия АН АзССР, Серия «Геолого-географическая». – Баку. – 1960 – №4.
26. Жуков В. П., Словарь русских пословиц и поговорок, Изд. 4-е. – М.: Русский язык, 1991. – 534 с.
27. Иванова Ю. В., Проблемы формирования и развития албанского этноса // Материалы конференции посв. 90-летию А.В.Десницкой. – СПб.: Институт лингв. иссл. РАН, 2002. – С.77-82
28. Иванчик А. И., К вопросу об этнической принадлежности и археологической культуры киммерийцев. Часть I. Киммерийские памятники Передней Азии // Вестник древней истории. – 1994. – №4. – С.148-168; Часть II. Раннескифские находки в Малой Азии // ВДИ. – 1995.- №1 – С. 3-22.
29. Иванчик А. И., Современное состояние киммерийской проблемы. Итоги дискуссии // ВДИ. – 1999 – № 2. – С. 77-97.
30. Иванчик А. И. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII-VII в.в. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. – М.- Берлин.: Палеограф, 2002. – 311 [1] с.
31. Иосиф Флавий, Иудейские древности, т.1. – Ростов/Д.: Феникс, 2000. – 634 с.
32. Кобычев В. П., В поисках прародины славян. – М.: Наука, 1973. – 167 с.
33. Кудрявцев А. А., Древний Дербент. – М.: Наука, 1982. – 173 с.
34. Латышев В. В., Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. –1948 – №2. – С. 216-316.
35. Майяни З., Этруски начинают говорить. М.: Наука, 1966, 384 с.
36. Махортых С. В., Киммерийцы и древний Восток // Вестник древней истории. – 1998. – №2. – С. 95-104.
37. Моисеева Т. А., К вопросу о характере Фригийского государства в VIII – начале VII веков до н.э. // Вестник древней истории, -1986. - № 3. – С. 9 -31.
38. Никонов В. А., Краткий топонимический словарь – М.: Мысль, 1966. – 509 с.
39. Пизани В., Этимология. История – Проблемы – Метод. Под ред. В. И. Абаева. – М.: Изд. иностр. литературы, 1956. – 187 с.
40. Пиотровский Б. Б., Скифы в Закавказье. // Учёные записки ЛГУ № 85, Серия ист. наук, Вып.13. – Л., 1949. – С. 172-190.
41. Повесть временных лет. Ч. 1.-2. Подготовка текста Д. С. Лихачёва, Б. А. Романова. Под ред. В. П. Адриановой. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1950. Ч. I. Текст и перевод. 406 с., Ч. II. Приложение. Ст. и коммент. Д. С. Лихачёва. – 566 с.
42. Поспелов Е. М. Гидронимические ареалы Центральной Азии. // Ономастика Востока – М.: Наука, 1980. – С. 118-123.
43. Потоцкий Я., Путешествие в Астраханские и Кавказские степи. // Соснина Е.Л. , Ян Потоцкий и его путешествие в Астраханские и Кавказские степи – Пятигорск.: Изд. Пятигорск. техн. университета, 2003. – 177 [3] с.
44. Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 3. - М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2007, 493 с.
45. Рыбаков Б.А., Языческие верования славян, Изд. 2-е. – М.: Наука, 1994. – 606 с.
46. Савина В.И., Этнонимы в топонимии Ирана. // Ономастика Востока, М.: Наука, 1980. – С. 140-155.
47. Тайлор Э.Б., Первобытная культура, М.: Политиздат, 1991.- 573 с.
48. Словарь русских народных говоров, Выпуск 14, -Л.: Наука, 1978.- 376 с.
49. «Слово о полку Игореве», Сост., вступ. слово, подготовка древнерусского текста и коммент. В. И. Стеллецкого – М.: Советская Россия, 1981. – 287 с.
50. Страбон, География. В 17 кн., Пер. и коммент. Г.А. Стратановского, Под ред. О. О. Кригер, Л.: Наука, 1964. – 934 с.

51. Толстов С.П., Новогодний праздник «Каландас» у хорезмийских христиан начала XI века (В связи с историей хорезмийско – хазарских отношений. // Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР. – 1946.- № 2. – С. 87-108.
52. Трубочёв О.Н., Названия рек Правобережной Украины: Словообразование, этимология, этническая интерпретация. – М.: Наука, 1968. – 289 с.
53. Трубочёв О.Н., Ранние славянские этнонимы – свидетели миграции славян // Вопросы языкознания – 1974, – № 6. – С. 48-67.
54. Трубочёв О.Н., О синдах и их языке // Вопросы языкознания. – 1976. – №4. – С. 39-63.
55. Трубочёв О.Н., Лингвистическая периферия древнейших славян. Индоарийцы в Северном Причерноморье // Вопросы языкознания. –1977. – № 6. – С. 13-29.
56. Трубочёв О.Н., Temarandum «Matrem maris». К вопросу о языке индоевропейского населения Приазовья // Славянское и балканское языкознание. Античная балканистика и сравнительная грамматика. – М.: Наука, 1977, С. 87-95.
57. Трубочёв О.Н., Indoarica в Северном Причерноморье. Источники. Интерпретация. Реконструкция // Вопросы языкознания. – 1981 – № 2. – С. 3-21.
58. Фасмер М., Этимологический словарь русского языка. В 4-х т., Перевод и ред. О.Н. Трубочёва – М.: Прогресс, Т. 1. 1986. – 537 с.; Т. 2. 1986. – 671 с; Т. 3. 1987.- 830 [1] с.; Т. 4. 1987 – 860 [3] с.
59. Хождение за три моря Афанасия Никитина. Изд. подгот. Я. С. Лурье, Л. С. Семёнов; [АН СССР] – Л.: Наука, Ленингр. отд., 1986. – 212 [1] с.
60. Чайлд Г., Арийцы, - М: Центрополиграф, 2008. – 270 с.
61. Успенский Б.А., Дуалистический характер русской средневековой культуры (на материалах «Хождения за три моря» Афанасия Никитина. // Б.А. Успенский, Избранные труды. Т.1., Семиотика истории, семиотика культуры. – М.: Гнозис, 1994. – 429 с.
62. Широкова А.В., Латинский язык на Балканах. – Минск: Изд. МГПИИЯ, 1967.
63. Цымбурский В. Л., Этно-и лингвогенез Трои как преломление индоевропейской проблемы (к 75-летию со дня рождения Л.А. Гиндина).
64. Элиаде М., История веры и религиозных идей, т. 2, М., 2001. – 504 с.
65. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Под ред. О.Н. Трубочёва, Вып. 8.. – М., 1981. – 252 с.
66. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Под ред. О.Н. Трубочёва, Вып. 10., М., 1983. – 198 с.
67. Allegro N., Imera. // La citta greca antica: istituzione, società e forme urbane. – Roma.: Donzelli editore, 1999. – P. 269-302.
68. Георгиев В., Тракийският език. – София: Издание на Българската Академия на Науките, 1957. – 102 с.
69. Dictionarul explicativ al limbii române. – Bucureşti: Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1975. – 1049 p.
70. Dubois, J., Mitterand, H., Dauzat, A., Dictionaire étimologique et historique du français. – Paris: Larouss, 1993, 822 p.
71. Duridanov I., The languages Thrakians, 1976, [Электронный ресурс] – URL: <http://garshin.ru/linguistics/languages/nostratik/indo-european/paleo-balkan.index.html>

Принятые сокращения

<i>авест.</i> – авестийский	<i>макед.</i> – македонский
<i>алб.</i> – албанский	<i>нем.</i> – немецкий
<i>англ.</i> – английский	<i>осет.</i> – осетинский
<i>арм.</i> – армянский	<i>пеласг.</i> – пеласгический
<i>балт.</i> – балтийский	<i>польск.</i> – польский
<i>белудж.</i> – белуджский	<i>перс.</i> – персидский
<i>бенгал.</i> – бенгальский	<i>португ.</i> – португальский
<i>болг.</i> – болгарский	<i>прусск.</i> – прусский
<i>брет.</i> – бретонский	<i>рум.</i> – румынский
<i>гэльск.</i> – гэльский	<i>русск.</i> – русский
<i>герм.</i> – германский	<i>серб.</i> – сербский
<i>гилян.</i> – гилянский	<i>слав.</i> – славянский
<i>груз.</i> – грузинский	<i>слов.</i> – словенский
<i>др.-верх.-нем.</i> – древневерхненемецкий	<i>ст.-итал.</i> – староитальянский
<i>др.-греч.</i> – древнегреческий	<i>ст.-слав.</i> – старославянский
<i>др.-инд.</i> – древнеиндийский	<i>талыш.</i> – талышский
<i>и.-е.</i> – индоевропейский	<i>тадж.</i> – таджикский
<i>иллир.</i> – иллирийский	<i>техн.</i> – технический
<i>исп.</i> – испанский	<i>фр.</i> – французский
<i>итал.</i> – итальянский	<i>фрак.</i> – фракийский
<i>кельт.</i> – кельтский	<i>фриг.</i> – фригийский
<i>кимр.</i> – кимрский	<i>хорв.</i> – хорватский
<i>курд.</i> – курдский	<i>чеиск.</i> – чешский
<i>лат.</i> – латинский	<i>укр.</i> – украинский
<i>латыш.</i> – латышский	<i>ягноб.</i> – ягнобский
<i>лит.</i> – литовский	